

От автора

Памяти родителей

Как и почему появились «Этюды о литературе»? Несомненно, интерес к проблеме зародился в отчем доме. С детства слышала рассказы о врачах-писателях, о медицинских сюжетах в литературе и живописи. Не раз вспоминалась встреча отца с В.В. Вересаевым, рассказ о несостоявшейся работе Викентия Викентьевича в качестве врача у Льва Толстого и даже о том, что именем обязана этому разговору, точнее, героине повести «Исанка».

Весь строй дома, интересы были «литературно-медицинские». Отец с 30-х годов увлекался литературно-медицинской тематикой, писал очерки, печатался, переписывался с выдающимися писателями, учеными, что также обсуждалось и переживалось в семье. Имя Бьяншона, доктора Паскаля и многие другие воспринимались в юности не отвлеченно, а очень лично — настолько часто звучали.

Книга профессора Е.И. Лихтенштейна «Помнить о больном» вышла тремя изданиями, к сожалению, посмертно (1974, 1978, 2012), имела большой успех.

Память об отце, его занятиях, увлечениях, сожаление о незавершенных замыслах все больше занимали меня. Я почувствовала необходимость продолжить незавершенный диалог.

Помню, как набралась смелости и пошла на Андреевский спуск, 13, робко постучала в дверь и она открылась. Общалась с Наталией Кончаковской, увидела знаменитую печь, сохранившиеся семейные фотографии Булгаковых, услышала о дружбе собеседницы с сестрами Булгакова, а в голове назойливо звучало «Василиса». В 1987 г. написала и в журнале «Клиническая медицина» опубликовала, как оказалось, первую статью о медицинских темах в творчестве М.А. Булгакова.

Попавший в дом значок «Французский писатель Золя, французский капитан Дрейфус» в сочетании с упоминаемым «Доктором Паскалем» побудили обратиться к Золя.

Так постепенно появлялись новые замыслы и появлялись новые очерки.

В 2009 г. вышла книга «Этюды о литературе. Глазами врача».

Второе издание существенно расширено, опубликованные ранее очерки исправлены и дополнены. Использован большой иллюстративный материал.

«Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше».

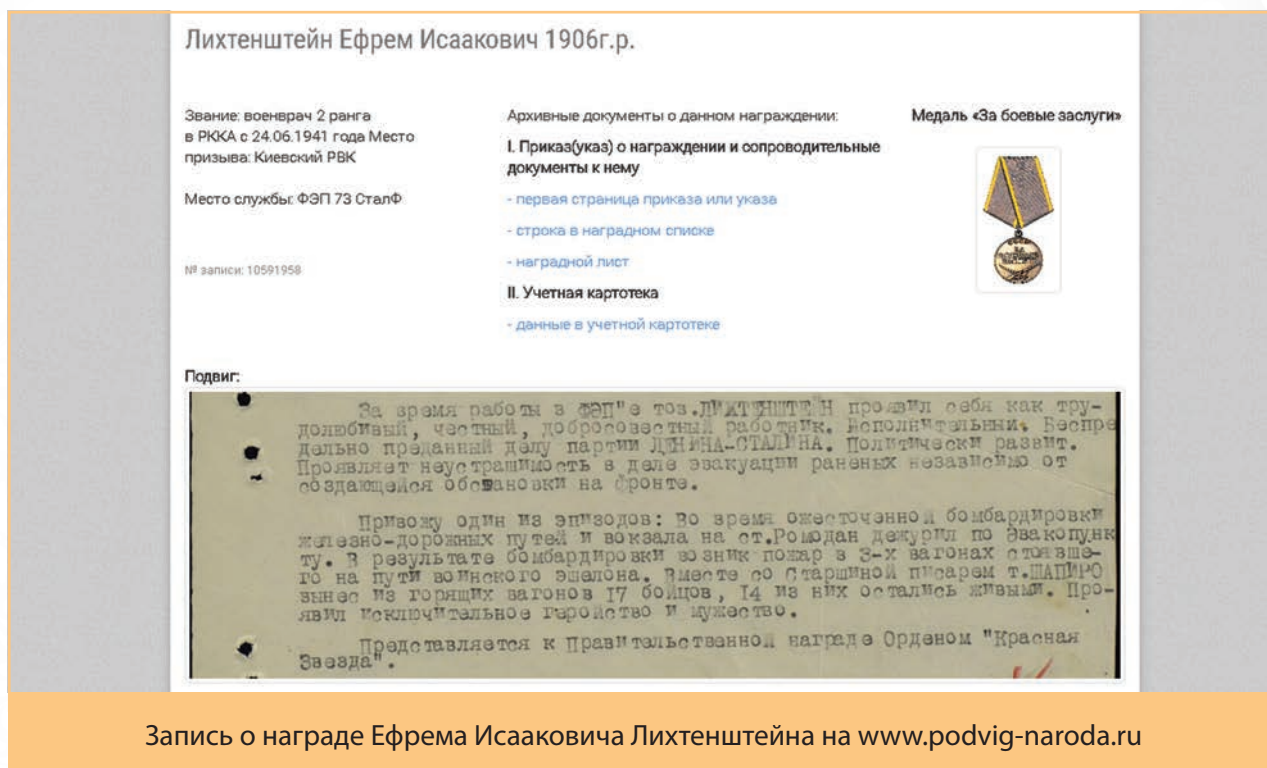
«Я слова не просил» Стойкость

Есть исторические события, не подверженные забвению. К ним периодически возвращаются, по-новому осмысливают, оценивают в условиях изменяющегося контекста времени. При этом неизбежно ускользают приметы эпохи, без чего трудно понять во всей полноте суть и смысл произошедшего. Поэтому особый интерес привлекают свидетельства очевидцев, их безыскусные заметки.

Об одном из трагических событий — «деле врачей» расскажу сквозь призму семейных воспоминаний.

Мой отец, Ефрем Исаакович Лихтенштейн, профессор-терапевт (в описываемые годы доцент) Киевского медицинского института, сын успешного земского врача, был известным в городе специалистом и весьма уважаемым человеком. Молодой, красивый, образованный, участник Сталинградской битвы, его фамилия значилась в одном из первых приказов о награждении в ненагражденном 1941 году. Много лет спустя, точнее, в прошлом году, узнала о его подвиге в годы войны по публикации на сайте «Подвиг народа». В санитарный поезд попала бомба, вызвав пожар. Ефрем Исаакович вместе с писарем Шапиро под бомбежкой вынесли из горящих вагонов 17 раненых, 14 из которых не пострадали. Отец никогда об этом не рассказывал... Это была повседневность. О чем рассказывать?! Кроме врачебной и научной работы, Ефрем Исаакович занимался журналистикой — был членом редколлегии, а позднее

заместителем главного редактора республиканского украинского терапевтического журнала «Врачебное дело». В те годы (50-е) активно работал над докторской диссертацией. Возникло ощущение, правде вопреки, что самое страшное позади, что жизнь постепенно налаживается.

Появились лимитные магазины. Некоторые категории служащих, в которые входили и ученые, получили возможность отовариваться в этих магазинах. Их преимущество состояло в более широком выборе продуктов, меньших очередях. Что-то налаживалось. Но... грянула «борьба с космополитами». Вновь повеяло репрессиями. Помню огромные статьи, в которых по прежней схеме разоблачали «врагов народа», с наслаждением раскрывали псевдонимы. Тогда же на страницах «Литературной газеты» разгорелась острая дискуссия между К. Симоновым и М. Шолоховым по поводу правомерности псевдонимов и их раскрытия. Позиции сторон проявились достаточно четко.

Разгром биологической науки, Еврейского антифашистского комитета, гибель Михоэлса...

В Киеве на территории Киево-Печерской лавры жгли рукописи еврейской библиотеки.

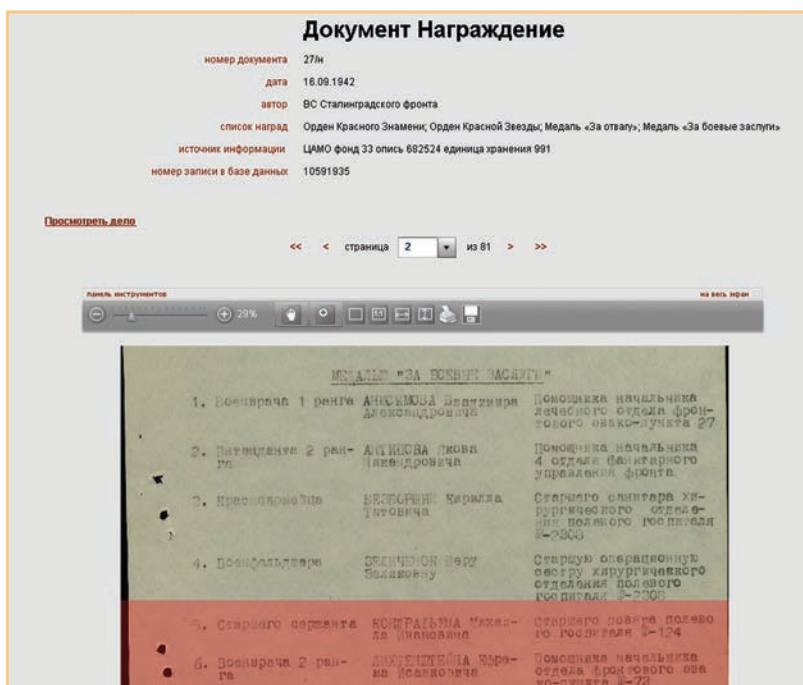
И тем не менее жизнь продолжалась — надеялись на лучшее. Родители успешно работали, худо-бедно обрастали вещами, отцу даже удалось сменить шинель на гражданскую одежду.

Внезапно все рухнуло. 1952 год. Неожиданно полученная повестка из военкомата вылилась в длительный поединок с НКВД. Встречи-допросы проходили в различных помещениях мединститута, в каких-то организациях, казалось бы, не имеющих отношения к НКВД, даже на частных квартирах. Недавно из книги Аллы Перельман-Зускиной «Путешествие Вениами-на» узнала, что первые допросы великого актера происходили в здании ГОСЕТа и в уютном, утопающем в зелени особняке. Тот же зловещий стиль.

Вызывали отца телефонным звонком в любое время суток то несколько дней подряд, то с двух- или трехнедельным перерывом. Обычно за ним заезжала машина. И никто не ведал, вернется ли он. Мы не всегда знали, что отца вызвали. Он иногда не успевал, а порой не разрешали сообщить об очередном допросе. Самый длительный был 7 и 8 ноября 1952 года, когда неарестованному гражданину не давали спать, лишали папирос и воды, оскорбляли. Нередко во

Медаль
«За боевые заслуги»

Документ о награждении Е.И. Лихтенштейна
на www.podvig-naroda.ru

время допросов звучала площадная брань, бросали в лицо «жидовская морда». Поначалу трудно было разобраться, в чем, собственно, дело. Требовали имена знакомых, задавали множество разных вопросов, говорили о странных врачебных ошибках профессора М.М. Губергрица, одного из известнейших ученых, к тому времени покойного. Поражала осведомленность НКВД о самых интимных моментах жизни семьи, отца, о чем он сам нередко не помнил. И, конечно, не раз возвращались к ясному для них стойкому нежеланию отца вступать в партию. Вот это было правдой. Особая, недюжинная дипломатичность понадобилась ему в действующей армии. И все же отцу это удалось, несмотря на довольно высокое положение в качестве начальника эвакуационного отдела ФЭПа. Возникла мысль, что кто-то из близких к семье знакомых являлся невольным, хочется думать, информатором или, что более вероятно, устраивались перекрестные встречи и расспросы. Несмотря на подписку о неразглашении, отец кое-что рассказывал.

Через десятки лет, когда многое стало известно, я изумилась, что разговоры шли и в моем присутствии, а я ведь была школьницей. Это мне до сих пор трудно понять. Но с детства без обсуждения было ясно, что не обо всем услышанном в доме можно и нужно говорить. Это не была конспирация, это была диктуемая обстоятельствами тайная жизнь, воспринимаемая как данность. Допросы между тем продолжались, и по-прежнему их вели так, чтобы не дать возможности понять, о чем идет речь.

Огромной трагедией явилось сообщение ТАСС от 13 января 1953 года «Об аресте врачей-вредителей». В сообщении были названы профессора Вовси, Виноградов, М.Б. Коган и Б.Б. Коган, Егоров, Фельдман, Эттингер, Гринштейн, Майоров. В основном это были консультанты Лечебного управления Кремля, да и личные врачи Сталина, например В.Н. Виноградов. В списке арестованных был цвет советской медицины, в основном евреи. Только в Москве арестовали 37 человек, из которых 28 — евреи. В различных городах страны органы госбезопасности спешно готовили местные «дела врачей». В нашей многонаселенной (18 человек) коммунальной квартире с веревками для сушки белья в длинном коридоре жила и сотрудница органов, проклиная «врачей-убийц» при доброжелательном отношении к нашей семье.

Иосиф Соломонович Гроссман

Прижизненное издание.
1959

После опубликования сообщения ТАСС началась широкая разнузданная истерия. 18 января в «Правде» вышла статья «Покончить с ротозейством в наших рядах». Заканчивалась публикация ссылками на товарища Сталина: «...как указывал товарищ Сталин еще в 1937 году, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом».

В этом же номере вспоминался Павлик Морозов, являвшийся для определенной группы населения одним из мрачных символов эпохи, знаковой фигурой. В те же дни напечатали разгромную рецензию совершенно забытого ныне Михаила Бубеннова на роман «За правое дело» блистательного Василия Гроссмана.

События несколько прояснились 24 января 1953 года, когда в «Правде» опубликовали указ о награждении врача Лидии Федосеевны Тимашук «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц». С этого момента «весь советский народ» благодарил мужественную патриотку за помощь в раскрытии преступления. А 20 февраля того же 1953 года в газете «Правда» появилась статья Ольги Чечеткиной «Почта Лидии Тимашук». Я касаюсь только нескольких публикаций, дабы напомнить, в какой обстановке приходилось существовать.

Положение врачей-евреев становилось ужасным. Люди, объятые страхом, отказывались приходить на прием, опасаясь потенциальных отравителей.

С этого момента допросы отца участились и приняли более коварный характер. Упорно, жестко, настойчиво требовали свидетельств о «шпионской» деятельности профессора Владимира Харитоновича Василенко. О прекрасных, доверительных отношениях моего отца с учителем В.Х. Василенко в Киеве было известно.

Постепенно «неблагонадежность» Ефрема Исааковича становилась известна. Главный редактор журнала «Врачебное дело» доцент И.П. Алексеенко пригласил отца и с большим огорчением сообщил о полученном указании отстранить его от работы в журнале. Отец сказал Алексеенко, что уверен в невиновности учителя, профессора Василенко, предать которого не может и не хочет, и добавил: «Так же я поступил бы, если бы речь шла о вас». Они простились.

Тем временем лекции и практические занятия шли своим чередом. Не желая выдавать своих тревог, отец ходил в театры, на концерты. Помню, как мы слушали любимую оперу

Ефрема Исааковича «Пиковая дама». Несмотря на гнетущую обстановку, он рассказывал о запомнившейся с юности «Зимней канавке», о Пушкине и Чайковском, о занятиях в ленинградском Институте истории искусств, студентом которого был, занимаясь на курсе Юрия Тынянова. До сих пор помню прекрасные декорации и блестящих украинских певцов Кипоренко-Доманского, Платонова, Гайдай.

Наши места были в партере. Внезапно отец наклонился ко мне и шепнул, что следовательно сидит недалеко от нас. Я увидела полковника НКВД очень маленького роста, откровенно рассматривавшего нас. После спектакля вернулись домой. Ночью отца вызвали на допрос. Вакханалия продолжалась.

Администрация мединститута совместно с партийным, комсомольским и профсоюзным комитетами должна была внести свою лепту в осуждение «врачей-убийц». Разыгрывался этот спектакль в здании Киевского академического театра оперы и балета имени Т.Г. Шевченко, где несколько ранее мы слушали «Пиковую даму». Особая роль, естественно, отводилась «лицам еврейской национальности». Запутанные, растерянные люди поднимались на сцену и дрожащими голосами произносили то, что от них хотели услышать. Наконец прозвучало: «Слово предоставляется доценту Лихтенштейну». Ефрем Исаакович, сидевший в ложе, встал и сказал своим несколько глуховатым голосом, что выступать не будет, и сел. Растерянные устроители повторили просьбу о выступлении, а он повторил свой ответ. К этому хочу добавить, что блестящие ораторские способности Ефрема Исааковича были широко известны. Вернувшись домой, он пересказал произошедшее с ним в театре, был крайне взволнован в ожидании, как нам всем казалось, неизбежного ареста. Всю ночь мы прислушивались к шуму проезжающих машин. Было очень страшно.

Эпизод в театре пересказан в повести Анатолия Нимченко «Без Бухбиндера» (1995): «...Институтские евреи один за другим выходили на трибуну и срывающимися голосами клеймили происки своих соплеменников. Механизм только один раз дал сбой, когда доцент Лихтенштейн, прекрасный терапевт и блестящий преподаватель, интеллигентнейший человек, отказался выйти на сцену, заявив: «Я слова не просил». Все считали, что он обречен, тем более что его учитель был одним из «профессоров-убийц». Описан этот эпизод и в книге Г.Е. Аронова и А.П. Пелешука «Легенди і бувальщина київської медицини (люди, факти, події, документи)» (Киев, 2001) в очерке под названием «Отказник». Упоминания об этом событии спустя полстолетия явились для нас неожиданностью, но показали цепкость человеческой памяти. Вновь пережитое прошлое усиливает гордость за отца, за его смелые поступки, чем, впрочем, он отличался на протяжении жизни.

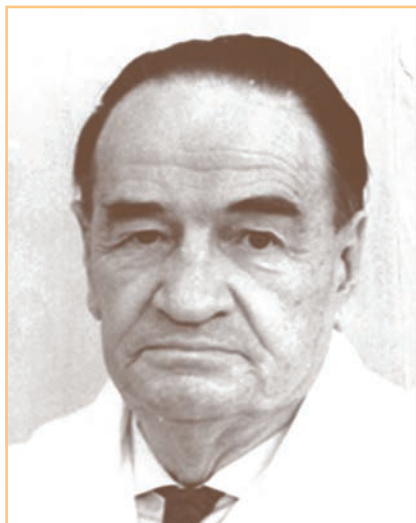
Его честность и надежность проявились в 30-е годы, когда замышлялось дело против наркома здравоохранения, впоследствии академика Льва Ивановича Медведя. В ту нелегкую пору отец выступил в его защиту как журналист, написав в разгар травли положительный очерк.

Между тем допросы продолжались. Тема Василенко звучала четче, более зловеще. Отца постоянно расспрашивали и о других известных профессорах, преимущественно евреях.

Стало известно, что от некоторых киевских специалистов требуют профессионального подтверждения вредительской деятельности «врачей-убийц». Привлеченные к экспертизе ученые отчетливо понимали абсурдность обви-

Л.И. Медведь

В.Х. Василенко

нений, но по словам поэта: «Он знал, что вертится Земля, но у него была семья...»

Один из привлеченных к оценке правомерности лечения, член-корреспондент АН СССР Владимир Николаевич Иванов, ученик профессора Ф.Г. Яновского, о котором будет идти речь ниже, полгода симулировал болезнь, находясь дома под врачебным наблюдением. Правда, обстановка не способствовала здоровью, и он действительно плохо себя чувствовал. Но, конечно, не по этой причине не подписал заключение о вредительстве. Он остался верен заветам своего учителя. Известен мне и молодой, талантливый, амбициозный профессор М., друживший с одним из обвиняемых и не справившийся со страхом. В дальнейшем он очень страдал, но сделанного не изменить. Чтобы понять трагичность многих поступков, надо было жить в то время.

Не у всех хватало сил противостоять натиску...

Расскажу немного о Владимире Харитоновиче Василенко. Он родился в Киеве в 1897 году. В 1922 году окончил Киевский медицинский институт. Учился у блестящих ученых — академиков А.А. Богомольца, Н.Д. Стражеско, профессора Ф.Г. Яновского. О профессоре Яновском киевлянам известна удивительная история: за его гробом шли ксендз, священник и раввин, толпа остановила движение по пути следования процессии. О нем, его квалификации и порядочности слагали легенды. Семья профессора А.И. Булгакова (отца писателя М.А. Булгакова) дружила с семьей Яновского, а в образе профессора, лечившего раненого Алексея Турбина в «Белой гвардии», угадывается Феофил Гаврилович. Его заветам и следовал упомянутый профессор Иванов.

Широко известны в мировой науке имена Н.Д. Стражеско и А.А. Богомольца. Дети академика Александра Александровича Богомольца, тоже выдающиеся ученые, стали близкими друзьями Василенко. К их чести, следует сказать, они очень поддерживали семью арестованного друга морально и материально.

В.Х. Василенко — крупный ученый, автор монографий, учебников по актуальным проблемам медицины, философ в науке. Мобилизованный в действующую армию, он занимал посты главного терапевта Северо-Кавказского и 1-го Украинского фронтов. Затем заведовал кафедрой и был директором Института гастроэнтерологии, редактором блестящего журнала «Клиническая медицина», вице-президентом АМН СССР.

Н.С. Хрущев в воспоминаниях о «деле врачей» писал: «Арестовали Василенко, крупнейшего терапевта. Я мало знал его лично, но слышал о нем очень хорошую характеристику от академика Стражеско, которого я весьма уважал... Это он, когда заканчивалась Великая Отечественная война, попросил меня отозвать Василенко из армии, чтобы тот пришел работать в клинику, которой заведовал Стражеско. Он прямо говорил: «Василенко мой ученик, и я хотел бы, чтобы он остался после меня, чтобы клиника перешла в надежные руки».

В описываемое время Василенко был послан в Китай к заболевшему Мао Цзэдуну и для оказания помощи в становлении здравоохранения. Его внезапно и без объяснения причин отозвали и в самолете надели наручники.

К чести китайских руководителей добавлю, что они не оставили своим вниманием семью профессора Василенко и в особенности его жену Тамару Осиповну Орбели, дочь или племянницу директора Государственного Эрмитажа. В.Х. Василенко и его жена не раз об этом с благодарностью вспоминали.

Время шло. Внезапно несколько дней прошло без допросов, удивлению не было предела.

И вдруг — сообщение о болезни вождя. Незнакомое мне словосочетание «дыхание Чейна — Стокса». Я спросила, что это значит. Глубоко выдохнув, отец сказал: «Слава Богу, не встанет».

Помню нешуточные споры из-за траурной повязки, которую надлежало носить на рукаве. Папа отказывался, мама от страха настаивала. В конце концов отец надел повязку, но, выглянув с балкона, мы увидели, что он снял ее и спокойно положил в карман пальто.

Была слякоть, промозглая сырость. А я, студентка первого курса, топталась на траурном институтском митинге на улице Ленина, 37. Со мной рядом стоял друг и сокурсник, простуженный Толя Парташников, ныне главный редактор «Еврейской энциклопедии» на русском языке, доктор философии. Мы едва скрывали отличающиеся от других чувства по поводу случившегося. Он довольно скоро увел меня, но, тем не менее, я успела заболеть и несколько недель провела дома. Еще одно прикосновение «отца народов».

Блеснула надежда. Недели через две отца впервые вызвали в здание НКВД, в печально знаменитый в Киеве дом по улице Владимирской. Сколько судеб было сломано там, какие крики раздавались из-за плотно закрытых окон! Ефрема Исааковича встретил упомянутый ранее полковник, усадил в глубокое кресло, был непривычно вежлив. Он сообщил отцу, что органы убедились в его честности и не имеют более никаких претензий. За окном бушевала гроза. Отказавшись от предложенной машины, Ефрем Исаакович вышел из овеванного ужасами здания, и, казалось, дождь смывал страх и трагедию прошедших месяцев.

Освободили врачей. Отец немедленно поехал в Москву повидаться с профессором Василенко. Он увидел истощенного человека с выбитыми зубами и сломанными ребрами. Внезапно подойдя к книжной полке, Владимир Харитонович снял маленького бронзового Будду и протянул отцу в подарок, сказав: «Вот кто спас меня». Этот Будда раньше был подарен Василенко Мао Цзэдуном.

Через несколько лет мы собрали совершенно неожиданно небольшую коллекцию Будд. Так вот, пожалуй, только после этого смогли оценить художественную красоту маленького Будды, хранящего свою тайну. В фигуре подлинного Будды запаяна записка, содержащая какое-то пожелание, мысль. Попытаться узнать, вскрыть не считается возможным, это осквернение Бога. Так мы и не знаем, что думает о нас Великий Будда...

Окончилась длинная и страшная сталинская эпоха. В прошлое отошли допросы, ослабли тревоги. Отец продолжил работу над докторской диссертацией, научным консультантом стал профессор В.Х. Василенко. Диссертация была защищена в 1960 году. Она посвящена актуальным вопросам кардиологии, в частности осложнениям при инфаркте миокарда, сердечным плевритам.

Несмотря на большую преподавательскую, научную и лечебную нагрузку, отец вернулся к написанию начатых еще до войны очерков, посвященных медицинским темам в литературе. В них он искал ответа на волновавшие вопросы медицинской этики, отдавал дань любимой литературной работе.

Этими исследованиями он опередил время. К сожалению, только в 70–80-е годы прошлого века вновь задумались о введении преподавания литературы в медицинских институтах. Тогда же (1982) возникли и первые литературно-медицинские журналы.

По ходу работы отец поддерживал тесные отношения со многими деятелями искусства. В семейном архиве бережно хранятся письма М.П. Чеховой, О.Л. Книппер-Чеховой, А. Гольденвейзера, И. Зильберштейна, К.И. Чуковского. Особо нежные отношения сложились с Корнеем Ивановичем Чуковским. Узнав из письма о болезни Корнея Ивановича, Ефрем Исаакович писал ему 03.06.1968 года: «Я очень огорчен тем, что Вы недомагаете, а я от Вас настолько далеко, что не могу протянуть Вам руку помощи. Знаете, есть врачи, живущие только разумом или только сердцем. И те, и другие беспомощны, мне кажется. У вас в Москве трудится мой давнишний и самый близкий друг В.Х. Василенко. В нем удивительно гармонично сочетаются разум и сердце. Можете

к нему обратиться за советом, если в этом есть необходимость... Если будете звонить им, поклонитесь от меня, пожалуйста». Чуковский воспользовался советом: «Владимир Харитонович был у меня дважды. Произвел чарующее впечатление, и я от души благодарю Вас за это драгоценное знакомство. Вы правы: мудрый диагност сочетается в нем с благородным Человеком» (15.07.1968).

Печатание очерков давалось нелегко, несмотря на сочувственные отзывы писателей, историков медицины, искусствоведов.

Привожу мнение К.И. Чуковского: «Написана она отлично — вполне литературно и даже художественно («История болезни и смерть И.С. Тургенева». — *И.Л.*). Никогда я не испытывал такой нежной жалости к Тургеневу, такого восхищения его мужеством — какие вызвала у меня Ваша статья» (К.И. Чуковский, 1968 год, архив Е.И.). В письме от 23.04.68 г. Чуковский, касаясь статьи о болезни Тургенева, писал: «Ваше открытие очень заинтересовало меня. Считалось, что у Тургенева были в зрелом возрасте две болезни: подагра и воспаление мочевого пузыря». И далее: «Заинтересуются ли Вашей темой «присяжные литературоведы», не знаю». К сожалению, «присяжные литературоведы» не заинтересовались.

Сохранилось письмо профессора И.А. Кассирского (1967), знаменитого врача, историка медицины: «Дорогой и многоуважаемый Ефрем Исаакович!.. Еще и еще раз хочу сказать, что «Болезнь Тургенева» сделана отлично! Вторую Вашу статью не пропустили («Медицинские темы в творчестве Флобера». — *И.Л.*). Много у нас перестраховщиков и завистников. Когда-то Чаплин сказал: «Звезды среди звезд дают мало света и еще меньше тепла». Перефразирую: «Звезды среди совсем темных завистников и недоброжелателей вынуждаются к затуханию, их блеска никто не видит...»

Издание книги отца очень затянулось. «Пособие по медицинской деонтологии» было издано посмертно, в 1974 году, с блестящим предисловием В.Х. Василенко, и разошлось мгновенно. Через несколько лет (1978) вышло из печати второе, дополненное издание под названием, предложенным при подготовке рукописи отцом, «Помнить о больном». Послесловие написал в прошлом студент, а ныне профессор, писатель, дипломат Юрий Николаевич Щербак: «Странное дело — мы не знали лектора, но почему-то внезапно оборвались все разговоры и привычный студенческий шум, и в аудитории воцарилась мертвая тишина. Тихим голосом начал он свою лекцию, и как завороченные вслушивались мы в его слова, открывшие для нас целый мир человеческих страданий, надежд и чувств. До сих пор храню я конспекты лекций Ефрема Исааковича. Никогда не забуду обходы в клинике, обстоятельные разборы больных: в памяти останутся изящные (именно изящные) движения рук Ефрема Исааковича при перкуссии и пальпации больных, его доброжела-

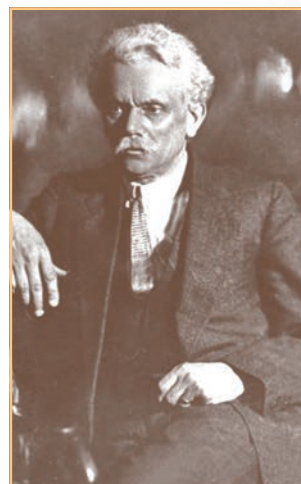
М.П. Чехова

О.Л. Книппер-Чехова

И. Зильберштейн

А. Гольденвейзер

К.И. Чуковский
И. Грабарь. 1935

тельное и внимательное отношение к пациентам — лишь иногда в его улыбке виделась горечь бессилия. ...Ефрем Исаакович непрестанно учил нас одной большой и нелегкой науке — видеть в больном не учебно-наглядное пособие по терапии, а живого, страдающего человека во всей его сложности и неповторимости...»

И эта книга стала библиографической редкостью. В книгу вошли исследования отца о болезни И.С. Тургенева, М.М. Коцюбинского, Моцарта и очерки — медицинские темы в творчестве Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Г. Флобера. В Израиле удалось опубликовать «Отшумевшую жизнь» — о болезни Сергея Есенина, выполненную преимущественно на анализе творчества поэта.

В письме ко мне от 18 февраля 1987 г. В.Х. Василенко писал: «Для меня Ефрем Исаакович всегда представлялся как редкое сочетание нежного поэта и трезвого врача».

Оглядываясь в уже далекое прошлое (отец ушел из жизни в 1973 году) и думая об отце, я пытаюсь разобраться, каким он был, чем запомнился. Воспоминания наползают одно на другое. Мне кажется, что характер отца, особенности его личности понял и отразил в своем прижизненном портрете наш большой друг, ныне живущий в Америке, известный художник Михаил Туровский.

Отец был красив особой одухотворенной красотой. Я помню его мягким, внешне спокойным, не выплескивающим свои беды наружу. На групповых фотографиях он почти всегда оказывался сбоку или во втором ряду, не стремясь, как многие, занять «место под солнцем». Эту черту отца очень точно выразил в книге воспоминаний «Не уставайте слушать стариков» давний знакомый, профессор Киевского мединститута Ю.В. Шанин: «Однажды, прочтя на 16-й странице «Литературной газеты» мою фразу: «Ему наступали на ноги даже там, где еще не ступала нога человека», он

Ефрем Исаакович Лихтенштейн
Михаил Туровский

(Е.И.) позвонил мне и сказал: «Юрий Вадимович! Милый Юрочка! Это же вы про меня написали». Перечитывая эти строки, я слышу голос отца, его интонацию, до боли, почти зрительно ощущаю его присутствие.

Он был гордым человеком, остро реагирующим на недоброе слово, необдуманные поступки. Его доброта не предусматривала вседозволенности. Не могу сказать, что он был очень общительным, но в любом обществе его одухотворенность, интеллект, аристократичность привлекали внимание.

Литература

1. Аронов Г.Ю., Пелешук А.П. Легенди і бувальщина київської медицини (люди, факти, події, документи). — К.: Століття, 2001.
2. Ашкенази Л. Чудо-врач // Новости недели. — 2007, 20 сентября.
3. Бурчинский Г.И., Грицюк А.И., Коляденко В.Г. Киевская терапевтическая школа и становление кафедр внутренних болезней // 150 лет Киевскому мединституту. — Киев, 1991.
4. Грандо А.А., Лихтенштейн Е.И. Путешествие в прошлое медицины. — К.: Триумф, 1995.
5. Лихтенштейн Е.И. Пособие по медицинской деонтологии. — К.: Вища школа, 1974.
6. Лихтенштейн Е.И. Помнить о больном. — К.: Вища школа, 1978.
7. Лихтенштейн И.Е. Я слова не просил // Заметки по еврейской истории. — 2011. — № 1(136).
8. Макаренко И.М., Полякова И.М. Биограф. словарь зав. кафедр и профессоров Киевского медицинского института. — К.: Здоровье, 1991.
9. Мандлер К.М. Памяти профессора Е.И. Лихтенштейна // Врачебное дело. — 1995. — 7–8.
10. Нимченко А. Без Бухбиндера // Егупец. — Киев, 1995. — 1.
11. Ступак Ф.Е. Е.И. Лихтенштейн — профессор медицины и литератор // Еврейская история и культура в странах Центральной и Западной Европы: Сборник научных работ. — Киев, 1998. — Т. 2 (на укр. языке).
12. Трахтенберг И. Е.И. Лихтенштейн // Слово об Alma mater. — Киев, 2006.
13. Шанин Ю. Не уставайте слушать стариков: Воспоминания пожилого киевлянина. — Киев, 2000.
14. Щербак Ю. Путь к человеку // Помнить о больном / Е.И. Лихтенштейн. — К.: Вища школа, 1978.
15. Ялгут С. Семейные предания. — Киев, 2005.

*В.И. Даль
А.П. Чехов
В.В. Вересаев
М.А. Булгаков
Ф. Рабле
А. Конан Дойль*

Врачи-писатели

Знакомый и незнакомый Владимир Даль

В.И. Даль
Портрет работы В.Г. Перова, 1872

Раскрывая в очередной раз словарь Даля, не всегда задумываешься, что Даль — имя не нарицательное, а собственное. Дмитрий Сергеевич Лихачев, приходя в незнакомый дом, первым делом искал на книжных полках знаменитый словарь. Наличие словаря, по его мнению, являлось критерием оценки хозяина дома.

В звучании мягкого короткого слова «Даль» чудятся просторы русских равнин, вспоминается впервые прочитанная «Курочка Ряба», мгновенная боль от описания последних минут жизни Александра Сергеевича Пушкина. Сохраняется благодарность за попытку облегчения страданий поэта.

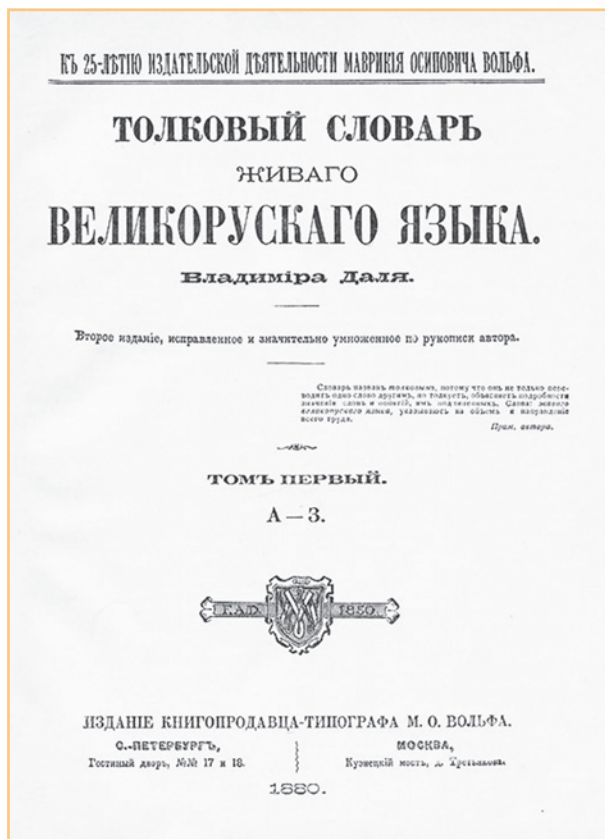
И все это Владимир Даль. Человек необыкновенно разносторонних интересов, умевший каждое увлечение превратить в весомый раздел науки или искусства. Поистине в нем сконцентрирована ныне забытая энциклопедическая широта познаний.

Интерес к неординарной личности и деятельности выразился в том, что 2001 год ЮНЕСКО объявила годом Даля. Для простого перечисления занятий Владимира Ивановича потребуется немало строк.

Я преимущественно коснусь врачебной ипостаси Даля, прекрасного, доброго, гуманного лекаря. К врачеванию Владимир Иванович пришел не сразу, несмотря на то что был сыном врача.

Владимир Даль родился 10 ноября 1801 года в промышленном украинском городе Луганске. Семья жила в небольшом одноэтажном доме среди убогих построек первых заводских рабочих литейного завода.

Его отец — датчанин Иоганн Христиан Даль, студент богословского факультета, благодаря знанию языков и высокой эрудиции, по приглашению императрицы Екатерины Великой приехал в Россию. Он был назначен придворным библиотекарем для изучения купленного императрицей книжного собрания Вольтера. Однако через короткое время Иоганн Христиан потерял интерес к работе и уехал в Германию, в город Иену, для обучения врачебному искусству. Окончив университет,

Титульный лист
первого тома «Толкового словаря» В.И. Даля

Памятник Далю
1981
Скульпторы И. Овчаренко, В. Орлов, архитектор Г. Головченко

Иоганн Христиан Даль —
отец Владимира Даля

Мария Фрайтах —
мать Владимира Даля

Камерный Литературный музей Даля. Дом № 12
на старой Английской улице — гордость Луганска

вернулся в Россию. В формулярном списке значилось: «Иван Матвеев сын Даль 1792 года марта 8 дня удостоен при экзамене в Российской империи медицинскую практику управлять». По окончании учебы работал лекарем в кирасирском полку великого князя Павла Петровича. Молодой врач тяжело переживал муштру, унижения, выпадавшие на долю служивших в полку солдат и даже офицеров. В таких условиях он не мог продолжать службу и через 4 года подал просьбу об увольнении, поступив на работу в Горное ведомство. Весной 1796 года Иоганн Христиан с женой Марией Фрайтах выехал в Петрозаводск. Спустя 2 года, как лучшего врача края, его перевели старшим лекарем на только что открытый Луганский литейный завод с жалованьем 500 рублей. Луганск того времени был новым городом, ему было всего 3 года, и все начиналось с нуля. Иван Матвеевич (русское имя, полученное в 1799 году одновременно с русским подданством) стал одним из создателей профессионально-патологического направления в российской медицине. Будучи старшим лекарем горного ведомства, создал первый лазарет для рабочих. Он не только уделял много внимания практической работе, но и пытался улучшить условия труда рабочих, посылал рапорты правлению завода об их тяжелом положении, антисанитарных условиях быта, нищете, распространении инфекционных и других заболеваний. Ивану Матвеевичу удалось добиться облегчения условий труда.

Мать Владимира Даля — Мария Фрайтах, полунемка, полуфранцуженка, из семьи гутенотов, владела многими иностранными языками, музицировала и отличалась добрым нравом. Бабушка Владимира — Мария Ивановна Фрайтах происходила из старинного французского рода де Мали, переводила пьесы с разных языков, которые ставили в театрах и печатали отдельными изданиями.

Детские годы будущего врача, ученого, исследователя прошли среди образованных, интеллигентных людей. Через несколько лет семья Далея переехала в Николаев, где отец Владимира Ивановича стал главным врачом Черноморского флота и дослужился до звания действительного статского советника с пожалованием дворянства.

Владимир Иванович получил прекрасное домашнее образование, полно-

Дерптский университет, 1860

бил родной край, что объясняет и выбор псевдонима — Казак Луганский. Интересно, что дома родители общались с детьми (вне специальных занятий) на русском языке. С детства Владимир отличался пытливым умом, разносторонними интересами, жаждой познания, стремлением к общению с разными людьми.

Первое профессиональное образование В. Даль получил в морском кадетском корпусе, служил мичманом на Черноморском, а после повышения в чине — на Балтийском флоте. В морском корпусе учился с будущим адмиралом Павлом Нахимовым и декабристом Дмитрием Завалишиным. Дружба Владимира Ивановича не прерывалась с годами, а укреплялась, таково было свойство его натуры.

Однако работа на флоте не привлекала, да и крепко досаждала морская болезнь. Написанная Далем эпиграмма на командующего флотом адмирала Грейга привела к большим неприятностям: аресту, разжалованию в солдаты. Вскоре, несмотря на последующее восстановление в звании, он подал в отставку.

Наступил следующий судьбоносный этап в жизни Владимира Ивановича. 20 января 1826 года он поступил на ме-

В.И. Даль

Неизвестный художник. 1830–1840

Н.И. Пирогов в студенческом общежитии

дицинский факультет Дерптского университета, объясняя решение следующим образом: «Я почувствовал необходимость в основательном учении, в образовании, дабы быть на свете полезным человеком», что стало его жизненной позицией.

Думается, годы учения в университете оказались важнейшими в становлении его личности и жизненных приоритетов. Жизнь в Дерпте он охарактеризовал как «время восторга». В ту пору Дерптский университет, открытый в 1804 году, славился не только в России. В Дерпте был открыт и первый в

В.А. Жуковский
П.Ф. Соколов. 1820-е годы

Интерьер в квартире А.М. Филомафитского в Москве в
Антипьевском переулке около улицы Волхонки

Н.И. Подключников. После 1835

Крайний справа у окна юноша — предположительно Г.И. Сокольский

России профессорский факультет, куда принимались отличившиеся в учении выпускники медицинских факультетов из разных городов для написания докторских диссертаций. Этот факультет, по сути, явился прообразом аспирантуры и института усовершенствования врачей.

Во время учебы Даль познакомился с поэтом В.А. Жуковским, встретившись с ним в доме профессора-хирурга Майера, жену которого поэт любил. Впоследствии Жуковский не раз вызволял Даля из сложных ситуаций, благодаря своему положению воспитателя наследника и, главное, доброму нраву.

Друзьями Владимира Ивановича стали соученики, составившие в последующем цвет медицинской науки, общение с ними не прерывалось на протяжении жизни. Молодые, талантливые, увлеченные врачи использовали новые методы исследования, развивали прогрессивные направления в хирургии, терапии, фармакологии и, что очень важно, поняли необходимость эксперимента.

Так, например, Григорий Иванович Сокольский (1807–1886) проводил опыты на животных, что само по себе было новаторством, проверял в эксперименте действие новых лечебных препаратов. Он же применил в России аускультацию и усовершенствовал перкуссию, что существенно расширило диагностические возможности врача. Одним из главных научных достижений Григория Ивановича было установление связи между суставным ревматизмом и поражением сердца, что стало основой учения о ревматизме.

Алексей Матвеевич Филомафитский (1807–1849) использовал «путь опыта и наблюдения», издал в

1836 году двухтомное руководство по физиологии, предложил маску для ингаляционного наркоза, разработал его дозированное применение и подошел вплотную к учению о рефлексах. Эти исследования блестяще развил и углубил ученик Филомафитского великий Н.М. Сеченов.

Федор Иванович Иноземцев (1802–1869) 7.11.1847 года провел первую в России операцию под эфирным наркозом. Занимался терапией, диетологией, создал ревенную настойку из многих компонентов, вошедшую в практическую медицину под названием настойки Иноземцева. Одним из результатов его усилий явилась организация врачебного сообщества и издание ежедневной «Московской медицинской газеты». Именно в этой газете в 1860 году (49-й номер) впервые была опубликована «Записка доктора В.И. Даля» о последних днях А.С. Пушкина.

Вряд ли можно что-либо добавить к широко известной деятельности великого

Ф.И. Иноземцев
П.З. Захаров-Чеченец. 1844

И.Н. Сеченов
И.Е. Репин. 1844

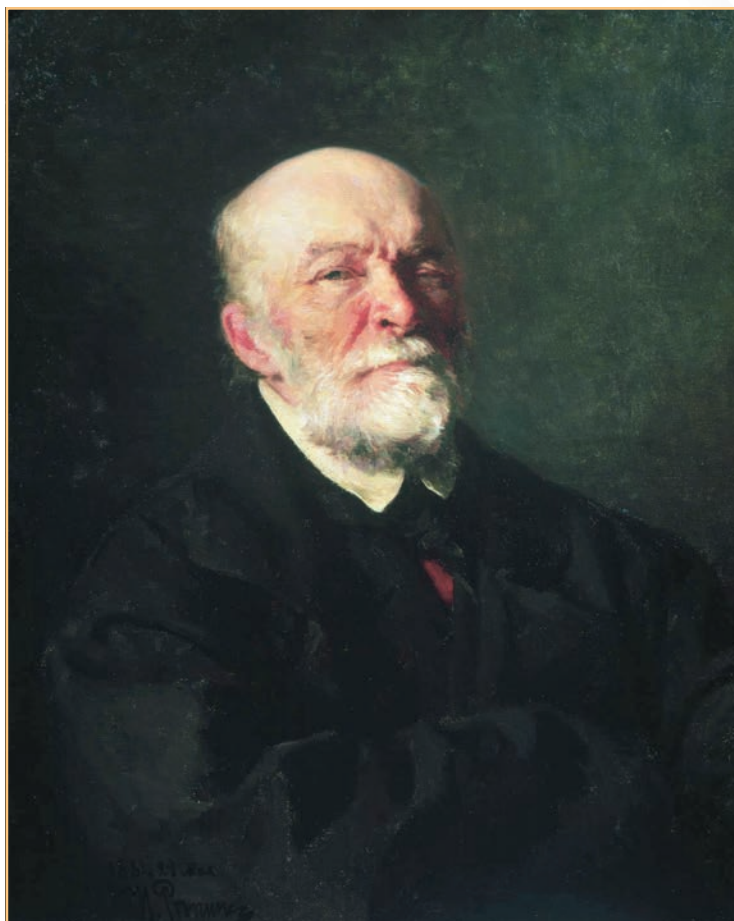
Н.И. Пирогова, с которым Даль познакомился и встречался в Дерпте. Позднее они работали в обеих столицах и в Киевском гарнизонном госпитале. Они, возможно, вместе поднимались по крутой, извилистой киевской улице, на которой госпиталь стоит и поныне, несуетно обсуждая волновавшие их вопросы. Пирогова и Даля неизменно связывали теплые и уважительные отношения. Николай Иванович Пирогов считал Даля выдающимся хирургом и неизменно подчеркивал, что все, к чему прикасается Владимир Иванович, приобретает новое звучание. В «Записках» Пирогов писал: «Это был замечательный человек. За что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить. Находясь в Дерпте, он пристрастился к хирургии и, владея между многими способностями необыкновенною ловкостью в механических работах, скоро сделался и ловким оператором». Сокурсники вспоминали, что долгими вечерами Даль и Пирогов занимались в анатомическом зале топографиче-

ской анатомией, оттачивая мастерство, пригодившееся впоследствии в практической хирургической работе. Угрюмый по характеру, недоверчивый Н.И. Пирогов привязался к молодому, общительному, яркому и веселому Далю. Они много времени проводили вместе. Даль, как никто другой, был успешен в физике, чем заслужил признание даже строгого профессора Паррота и дважды получал награды «за написанные решения задач». У него был особый метод обучения, так, например, ежедневно выучивать 20 латинских слов, четыре дня — запоминание, пятый — повторение. К концу обучения он неплохо освоил латынь.

Собранные по счастливой случайности в одно время и в одном месте, будущие доктора вместе учились думать, творить, экспериментировать, дружить. В такой обстановке довелось учиться и получить медицинское образование бывшему мичману Владимиру Ивановичу Далю.

Н.И. Пирогов оперирует раненого под эфирным наркозом. Аул Салта
Неизвестный художник. 1847

Н.И. Пирогов
И.Ф. Репин. 1881

К моменту учебы в университете он испытывал серьезные материальные трудности: отец умер, доходы семьи оказались ничтожными. Через год, получив помощь от государства за большие заслуги в учении, В. Даль стал «коштовным» студентом и его материальное положение несравненно улучшилось. О жизни и учебе в Дерпте Владимир Иванович писал, что время проводили «в трудах, во всегдашней борьбе, в стремлении и рвении к познаниям, которые тогда еще являлись пылкому воображению чем-то целым, стройным и полным, чем-то святым и возвышенным. Нас не секли, не привязывали к ножке стола. Это не школа, здесь нет розог, нет неволи, а каждый сам располагает собою и временем своим как ему лучше, удобнее, наконец как хочется». Студенты, как обычно, не только занимались, но и весело отдыхали. Далеко за пределами Дерптского университета славились многочисленные балы и маскарады, о которых сохранились интересные воспоминания.

Друг Даля и Пирогова, знакомый Пушкина Николай Языков написал стихотворение, фрагмент которого привожу:

*Мы здесь творим свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу.*

Многие отмечают аполитичность студенческой общности Дерптского университета, не участвующей в политических спорах, что иллюстрирует и приведенное стихотворение.

Активный, талантливый и пылкий молодой доктор, проявив большие успехи в учении, раньше на год окончил курс и 18 марта 1829 года защитил докторскую диссертацию, в которой разбирались осложнения трепанации черепа, «скрытые изъязвления почек».

Шла война, на фронте ощущалась острая нехватка врачей, и потому потребовалось забирать студентов с последнего курса до получения диплома. Подобная практика применялась и спустя 100 лет, когда зауряд-врачом ушел на фронт М.А. Булгаков.

Как «коштовный» студент, Владимир Иванович не имел права выбора места работы. Его и еще трех молодых докторов, направленных в действующую армию, тепло и заинтересованно провожали однокашники. На центральной площади города при свете зажженных факелов зазвучала прекрасная студенческая песня:

*В последний раз
Приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди вас!
Сей говор наш, разлив души бурсацкой,
Сей крик и шум, свободный дружбы глас —
Приветствует меня в последний раз!*

В словах песни явственно ощущаются искренность чувств, дружелюбие и теплота. Впереди была сложная самостоятельная работа. Долгих 2 месяца добирался молодой врач к месту назначения. Вот как он писал об этом времени: «Кончив или почти кончив курс врачебных наук в укомном и заветном приюте — в Юрьеве городке (Дерпт), сел я и поскакал в поход на чуму, как там поговаривали». Весенняя распутица, плохие российские дороги, постоянные дворы — «прямым и спорым путем через Днепр, через Прут, через Дунай — и бог весть, куда дальше, куда полетит двуглавый орел», и, конечно, полная неизвестность впереди.

Николай Языков в Дерпте
1822

Наконец 21 мая 1829 года Даль прибыл к месту назначения в действующую армию. Чинovníк не сразу принял его подорожную, а потребовал прежде ее окурить, потому что «чума шла по пятам нашей армии».

Обстановка в армии была сложная. Судьба войны еще окончательно не определилась. Сражения следовали одно за другим.

Даль немедленно включился в работу со свойственной ему добросовестностью и неизменным творческим подходом. Он на поле боя перевязывал, оперировал и, что очень важно, сортировал раненых по степени тяжести поражения. Мыслями о важности сортировки больных и раненых он позднее поделился с Пироговым, который не только поддержал начинание Владимира Ивановича, но и использовал в Севастопольской кампании и описал в книге «Начала общей военно-полевой хирургии» (1865). В то время еще не применялся наркоз, не было антисептики. Оглядываясь в прошлое, трудно осознать, какого мастерства требовала от врача работа в подобных условиях и как им удавалось помогать больным. Кроме того, врачей еще катастрофически не хватало. Работать приходилось «за всех». Вместе с русской армией Даль переходит через Балканы, продолжая оперировать в палаточных госпиталях и на поле боя. «Видел тысячу, другую раненых, которыми покрылось поле... резал, перевязывал, вынимал пули...». Друзья говорили, что у него две правые руки, его умелость и скорость операционной техники поражала даже опытных профессионалов. Именно это свойство при отсутствии обезболивающих средств нередко решало судьбу больного. Важно было по возможности избежать развития болевого шока, вовремя остановить кровопотерю, тем более в ситуации, когда еще не применялось переливание крови.

Владимир Иванович описывал огромную двухъярусную казарму с широкими навесами кругом, которая использовалась под госпиталь, без кроватей и без нар, с красивыми деревянными решетками вместо оконных стекол, где размещалось до 10 000 раненых и больных. Не хватало еды, не всегда было и чем напоить больных. Косила перемежающаяся лихорадка, «половина врачей вымерла, фельдшеров не было вовсе, то есть при нескольких тысячах боль-

ных не было ни одного». Он входил в чумные бараки, видел солдат, умирающих от чумы, и, сознавая свое бессилие, помогал чем мог.

Время шло. Война кончилась. Вспыхнула эпидемия холеры. Даль вновь на передовой — борется с холерой в украинском губернском городе Каменец-Подольском. Эпидемия была в разгаре, город разделили на несколько районов. Владимир Иванович возглавлял один из них. В формулярном списке доктора Даля, хранящемся в архиве Луганска, сказано, что «в свирепствование холеры в Каменец-Подольском он заведовал госпиталем для холерных больных».

В Каменец-Подольском Даль не только оказывал реальную помощь больным холерой, но и весьма успешно возвращал пациентам зрение, удаляя катаракты. В данном случае не обошлось без неприятных инцидентов. Снимая квартиру в семье «бельмоцелителей», он узнал, что они от его имени не только брали с больных деньги, но и прославляли себя в качестве умельцев. Пришлось принимать меры... Кстати, будучи врачом, а затем чиновником высокого ранга, Владимир Иванович отличался бессребреничеством и «не замечен в получении взяток».

Даль проходил сложный, опасный врачебный путь. В памяти возникают судьбы многих врачей-тружеников. Очень похожее становление было и у упоминавшегося ранее писателя-врача М.А. Булгакова. Он также с университетской скамьи был отправлен в действующую армию, оперировал на поле боя при нехватке врачей, лекарств, инструментов. Вслед за Далем и Булгаков служил в Каменец-Подольском, а затем в Киеве. Так случилось, что судьба забрасывала их нередко в те же места, где приходилось сталкиваться со сходными проблемами и переживаниями. Они оба, каждый по-своему, отразили пережитое в творчестве.

Доктор Сомерсет Моэм описал постоянное содружество врача с больным: «Медик знает все самое худшее и самое лучшее. Когда человек болен и испуган, он сбрасывает маску, которую привык носить здоровый. И врач видит больных такими, как они есть на самом деле — эгоистичными, жесткими, жадными, малодушными, но в то же время — храбрыми, самоотверженными, добрыми и благородными. И, преклоняясь перед их достоинствами, он прощает им недостатки». Знание людей, проникновение в психологию, что необходимо для лечения, диктует нередко и потребность выразить накопленные впечатления, рассказать о них, чем в определенной мере объясняется сочетание профессий.

Едва окончив войну с Турцией, Россия включилась в Польскую кампанию, куда направили молодого

Сомерсет Моэм
Имоджен Каннинген. 1935

Федор Васильевич Ридигер
Мастерская Джорджа Доу. 1822–1825
Военная галерея Зимнего дворца,
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Иван Федорович Паскевич
Мастерская Джорджа Доу. 1824–1825
Военная галерея Зимнего дворца,
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

го успешного врача. Так Даль с одной войны попал на другую. Прошлый опыт пригодился, операции следовали одна за другой. Во время Польской кампании он был дивизионным врачом в 3-м пехотном корпусе, находившемся под командованием генерал-лейтенанта Ридигера. Здесь ярко проявилась удивительная смелость, решительность и, в первую очередь, разносторонняя талантливость Владимира Ивановича. В одном из переходов, защищая обоз с ранеными, он заметил разрушенный мост через Вислу, что не оставляло надежд на спасение. Используя подручные средства, солдаты под руководством доктора, инженера Даля с разрешения командующего соорудили понтонный мост, переправились через реку, соединились с командующим, князем Паскевичем, а мост вновь разрушили, не давая переправиться польским войскам.

Бой выиграли. Даля наградили Владимирским крестом с бантом и грамотой генерала Ридигера. В грамоте описали постройку «невиданного моста и разрушение одного на виду у неприятеля, начавшего переправу». Но прежде он получил строгий выговор за оставление поста при лазарете, «покинув больных и раненых», и только хлопоты Ридигера выговор преобразовали в заслуженную награду.

Еще некоторое время Даль заведовал временным госпиталем в Умани, а затем с Пироговым работал в киевском госпитале. Награжденный орденами и медалями, прославившийся как врач, Даль в 1832 году получил назначение в Петербург и стал ординатором Петербургского военно-сухопутного госпиталя.

В Петербурге Владимир Иванович встретился со своими однокашниками, часто общался с Николаем Ивановичем Пироговым, публиковал статьи на медицинские темы. Одним из первых написал работу по организации медицинской службы в боевых условиях и по фармакологии. Найдены наброски статей об оперативной тактике при огнестрельных ранениях. Несомненно, важна и одна из первых статей В.И. Даля «Слово медика к больным и здоровым», подписанная

псевдонимом Казак Луганский. В статье, в частности, подчеркивается важность правильного образа жизни: «Тот, кто в движении и не наедается досыта, реже нуждается в пособии врача». Однажды высказанные мысли не оставляли Даля никогда и отразились в подборе собранных пословиц на медицинскую тему. Приведу лишь некоторые:

Болезнь входит пудами, а выходит золотниками.

Ешь вполсыта, пей вполъяна (не пей до полъяна), проживешь век до полна.

И собака знает, что травой лечатся.

Брюхо больного умнее лекарской головы.

Не дал бог здоровья — не даст и лекарь.

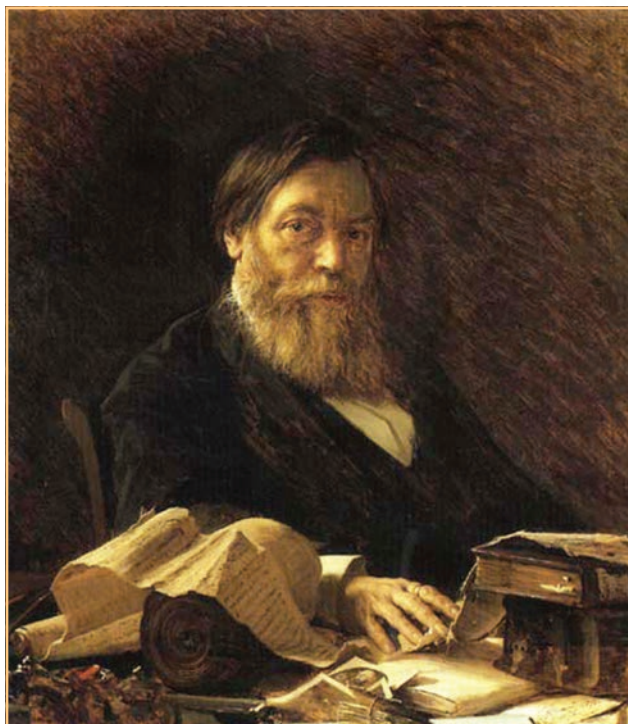
Сама болезнь скажет, что хочет.

Что в рот полезло, то и полезно.

Собранные В.И. Далем пословицы на медицинскую тему заслуживают внимания исследователей.

В Петербурге Даль приобрел известность замечательного хирурга, особенно окулиста. Самые знаменитые хирурги Петербурга нередко приглашали Владимира Ивановича для участия в операциях, когда операцию «можно было сделать ловчее левой рукой». (П.И. Мельников-Печерский). Известно, что у Даля обе руки функционально не отличались. Врачебная деятельность поддерживала интерес Даля к изучению языка больных, прибывающих из разных областей огромной страны. Как хороший, внимательный врач, он сознавал необходимость понять пациента и быть понятым. При этом решать все языковые сложности необходимо естественно, безотлагательно. Врач должен объяснить больному, как правильно принимать лекарство, что можно делать, какой режим рекомендуется в конкретной ситуации. Для всего этого необходимо полное языковое и душевное понимание. Эту извечную медицинскую мудрость хорошо понимал Владимир Иванович Даль.

Несмотря на огромную врачебную популярность, прямодушный и правдивый Владимир Иванович не мог мириться с царящими в медицинском ведомстве злоупотреблениями. Однокашник Даля декабрист Д.Т. Завалишин писал об этом в своих воспоминаниях: «Начальство требовало непременно к 1-му числу каждого месяца составлять отчеты о больных в лазаретах, при этом не учитывалось время на доставку донесений. Составленные 25-го числа не включали последнюю неделю, а написанные 1-го, приходили в канцелярию только 4-го числа. Даль отвечал, что «ему неизвестно, имеют ли другие дар наперед, за 5 дней, знать, сколько у них будет больных и с какими болезнями, но что он такого дара не имеет и, если ему будут давать несовместимые приказания, и за невозможность выполнения присылать выговоры, то он перенесет дело на апелляцию к высшему начальству». После этого Даля на время оставили в покое, но по службе доказали, что случая этого не забыли.

П.И. Мельников (Андрей Печерский)

И.И. Крамской. 1876

Государственная Третьяковская галерея,
Москва

После очередных неприятностей и конфликтных ситуаций Владимир Иванович Даль, несмотря на отсутствие достаточных материальных средств к существованию, подал в отставку (1833).

На этом этапе, но только формально, окончилась практическая врачебная работа доктора Даля. В действительности он продолжал и будучи чиновником, в местах службы на Урале и в Нижнем Новгороде, оперировать, удалять катаракты, лечить крестьян, вырывать зубы, делать перевязки. В служебные поездки по краю в качестве чиновника он неизменно брал чемоданчик с медицинским инструментарием и лекарствами. Регулярно составлял отчеты о заболеваемости в крае, помогал открывать лечебные учреждения, заботился о содержании больных и улучшении быта медицинского персонала. Естественно, проблемы больных и врачей были известны ему не понаслышке.

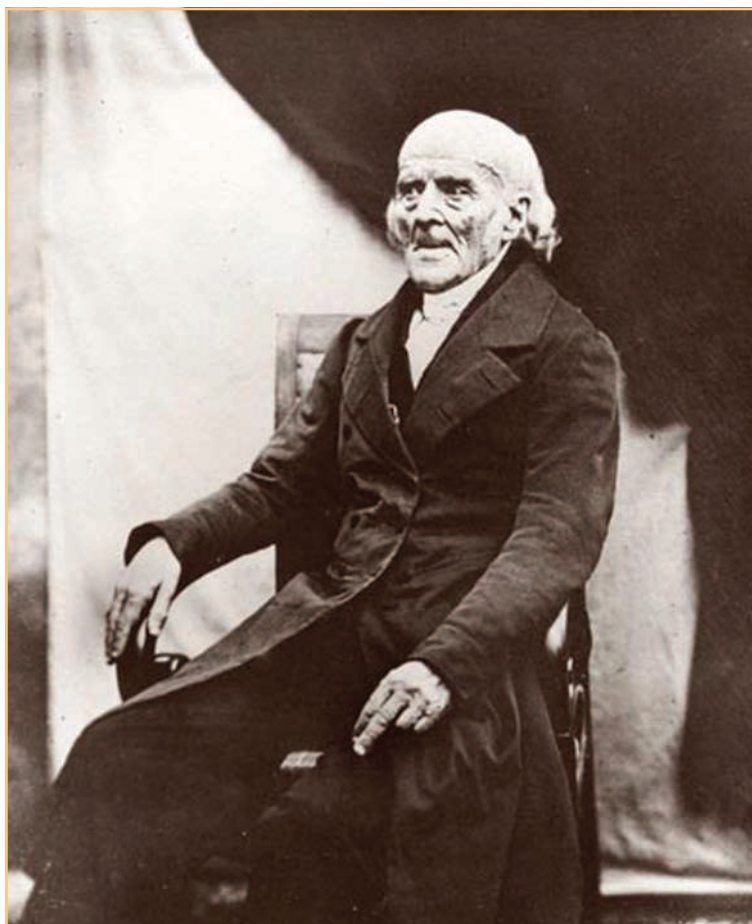
Важной вехой во врачебной жизни Даля явилось его отношение к гомеопатии. Впервые с гомеопатией в России Даль столкнулся, познакомившись с деятельностью приглашенного княгиней Голицыной доктора-гомеопата Германа, лечившего хорошо знакомых ему людей.

В дальнейшем, работая в Петербурге, Даль читал статьи основателя гомеопатии Ганемана (1755–1843), который был прекрасным мыслящим врачом, вплотную подошел к открытию асептики, стремился облегчить положение душевнобольных, понимал необходимость индивидуального подхода к каждому пациенту. В определенный период Ганеман разочаровался в современной ему аллопатической медицине,

не видел эффекта при назначении огромных доз рвотных и слабительных, обильных кровопусканий, что активно практиковалось в то время. Он искал выхода, изучал труды древних врачей — Парацельса и других.

Вначале Даль негативно отнесся к новому методу лечения, отстаивая принципы аллопатической медицины. Он даже опубликовал несколько статей в соавторстве с профессором Зейдлицем, в которых весьма активно выражал несогласие с гомеопатией. Затем при нарастающем разочаровании в организации и практике аллопатической медицины постепенно стал увлекаться гомеопатией, превратившись в ее адепта, и даже публично извинился за сделанные прежде негативные высказывания. Являясь по природе ученым-экспериментатором, Даль использовал в гомеопатии «слепой» опыт, ставил эксперименты на себе.

Первую статью в защиту гомеопатии Владимир Иванович напечатал в 1838 году в 12-м номере послепушкинского «Современника». В

Самуэль Ганеман
Дагерротипия, 1841

Дагерротипия — первый практический способ фотографирования, изобретен французским художником Дагером в 1839 г.

1861 году вышла в свет новая статья В.И. Даля «Верующие и неверующие». Владимир Иванович пишет: «Желательно бы сохранить в этом важном деле, как во всех человеческих, разумное трезвое суждение... Гомеопатия у постели больного ни в чем не уступит старшей сестре своей и всегда может подать, по крайней мере, равную с ней помощь. Есть случаи, когда гомеопатия делает гораздо более этого: она приносит изумительную пользу там, где аллопатия бессильна... Ученые, не вникнув в дело, видят в науке нашей противоречие с установленными ими законами и потому не хотят ее знать. Эти люди забыли, что все законы их образовались как выводы из явлений и что, следовательно, нельзя брать явлений этих на выбор, нельзя выбирать одно подходящее; надо отыскивать и принимать все явления, стремясь к истине». Спор аллопатов и гомеопатов продолжается и поныне. Каждая эпоха вносит коррективы в этот научный и человеческий спор. В условиях XXI века, когда человек превращается в механизм с придающимися ему «запчастями», этот спор приобретает иное звучание. Мне кажется, что в современных условиях превалирует тоска по общению с врачом, желание сопереживания, а не сугубо дистанционное лечение. Завершения этого процесса пока не видно.

В.И. Даль в книге «О повериях, суевериях и предрассудках русского народа» приводит множество фактов тяготения людей к «чудодейственным» способам лечения. В этом ощущается разочарование и скептицизм от неэффективности предлагаемого лечения. Именно неудачи в лечении заставляют искать помощи у шаманов, экстрасенсов, у всех обещающих излечение.

Даль как чиновник служил под началом видного государственного деятеля В.А. Перовского, внебрачного сына графа Разумовского, человека умного, прогрессивного и влиятельного. Попасть под начало к В.А. Перовскому помогли все тот же Жуковский и брат Перовского — писатель, знакомый Даля, писавший в числе прочего сказки под псевдонимом Антон Погорельский. Владимир Иванович добросовестно относился к своим новым обязанностям, внося в работу творческий элемент. Он занимался этнографией края, изучал флору и фауну и, конечно, анализировал состояние и уровень оказания медицинской помощи.

В.А. Перовский
(граф, генерал-адъютант)
К.П. Брюллов. 1837

А.А. Перовский
(граф, писатель Антон Погорельский)
К.П. Брюллов. 1836
Портрет не окончен

А.С. Пушкин и В.И. Даль
в виде святых Космы и Дамиана
Икона XIX в.

«Вершиной христианской памяти по убиенному Пушкину и почившему в бозе Далю стала икона, написанная вскоре после смерти последнего для нижегородской церкви Космы и Дамиана...»

(П. Григоров. Святой Косма:
К 155-летию со дня гибели А.С. Пушкина)

Памятник
А.С. Пушкину и В.И. Далю в Оренбурге

Особая страница в жизни доктора и писателя Владимира Даля — общение с А.С. Пушкиным. Не покажется странным и удивительным благоговейное отношение молодого лекаря и начинающего писателя к великому Пушкину. Владимир Иванович долго робел и не решался на встречу с поэтом. В один из неожиданно солнечных осенних дней 1832 года Даль встретился с Александром Сергеевичем, прийдя к нему на квартиру. Не будучи прежде лично знакомыми, они понравились друг другу. Пушкин заинтересовался подаренной ему книгой Владимира Ивановича «Русские сказки. Пяток первый» (СПб., 1832). Судя по воспоминаниям Даля, знакомство имело продолжение, поэт приветствовал усилия в языковых изысканиях и посоветовал работать над составлением словаря. Продолжались немногочисленные встречи у общих знакомых в Петербурге, прерванные отъездом Даля из столицы. Занявшись «историей Пугачева», Пушкин направился по путям сражений и навестил Даля, работавшего к тому времени на Урале. Они виделись 18 и 19 сентября 1833 года в Оренбурге, встречались в доме у Владимира Ивановича, о чем оставила заметки первая жена Даля Юлия Андерс. В последующей переписке Пушкин неизменно передавал ей поклон. 20–25 сентября 1833 года Владимир Иванович сопровождал Пушкина в поездке по краю, в частности в Бердскую слободу, для сбора материалов о Пугачеве. Они разыскивали старуху, свидетельницу тех памятных событий, и общались с ней. В это же время Александр Сергеевич подарил Далю рукопись «Сказки о рыбаке и рыбке» с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин», а позднее переслал ему «Историю Пугачевского бунта» (1835). В следующем году Владимир Иванович написал стихотворное послание поэту как поздравление в связи с выходом журнала «Современник». В посмертных бумагах Пушкина найдена и присланная Далем статья «Во всеуслышание», адресованная «братьям и сподвижникам».

Судьбе было угодно, чтобы доктор Владимир Иванович Даль был среди врачей, лечивших Пушкина после трагической дуэли. О поединке Владимир Иванович, приехавший по делам в Петербург, узнал на второй день после дуэли. Он

тотчас помчался в дом поэта на Мойку, 12 и оставался безотлучно до кончины поэта. Он же составил подробное профессиональное описание раны Пушкина, произвел вскрытие, сделал заключение о некурабельности подобного поражения. В трагические дни присутствие Даля как опытного врача и доброго друга облегчило страдания поэта, во всяком случае, психологически. Тогда же Пушкин впервые обратился к Владимиру Ивановичу на «ты», они, по словам Даля, как бы побратались перед лицом смерти. К нему же были обращены последние слова умирающего Александра Сергеевича: «Тяжело дышать, давит». За несколько мгновений до смерти, также обращаясь к Далю, Пушкин произнес: «Жизнь кончена». В день смерти Пушкин снял с пальца кольцо — талисман, с которым никогда не расставался, и подарил Владимиру Ивановичу. После кончины Александра Сергеевича Наталья Николаевна отдала ему и жилет со следами крови, в котором стрелялся поэт. Даль в своих записках подчеркивал удивительное, невиданное мужество, с которым поэт переносил страдания, не позволяя себе кричать, чтобы не волновать жену. Здесь, у постели умирающего поэта, Даль проявил не только человеческие качества, но и врачебное умение, выполняя необходимые процедуры. И не его вина, а лишь огромная пожизненная боль от сознания своего бессилия.

Вот как описывает Даль последние минуты жизни поэта: «Пульс упал с часу на час и к полудню 29-го исчез вовсе... — больной изнывал тоскою, начинал по временам уже забываться, ослабевал, и лицо его изменилось... Жизнь угасала, видимо, и светильник дотлевал последнею искрой... Я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: «Жизнь кончена». Я недо слышал и спросил тихо: «Что кончено?» «Жизнь кончена», — отвечал он внятно и положительно. «Тяжело дышать, давит», — были последние его слова. Всеобщее спокойствие разлилось по всему телу — руки остыли по самые плечи, пальцы на ногах, ступни, колена также; отрывистое, частое дыхание изменялось более и более на медленное, тихое, протяжное; еще один слабый, едва

А.С. Пушкин

В.А. Тропинин. 1827

На пальцах правой руки поэта отчетливо просматриваются кольца. Одно из них — золотое с изумрудом — вдова Пушкина после смерти мужа подарила В.И. Далю, который написал 5 апреля 1837 года поэту В. Одоевскому: «Как гляну на этот перстень, хочется приняться за что-либо порядочное». В настоящее время это кольцо хранится в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге

Пушкин и Даль в беседе с 75-летней казачкой Бунтовой и другими, помнившими восстание Пугачева

Бердская станица — место пребывания Пугачева во время осады Оренбурга

Смерть Пушкина
Дмитрий Белюкин. 1986

заметный вздох — и пропасть необъятная, неизмеримая разделяла уже живых от мертвого». Позволю себе еще процитировать фрагмент сделанного Владимиром Ивановичем заключения о ране Пушкина: «Вскрытие трупа показало, что рана принадлежала к безусловно смертельным. Раздробление подвздошной кости и, в особенности, крестцовой кости — неизлечимо». Владимир Иванович подробно, как в истории болезни, фиксировал жалобы пациента, проведенное лечение с указанием лекарственных препаратов, дозировок, т.е. высокопрофессионально, скрупулезно записывал по минутам все, что происходило с поэтом. Приведенные записки — не только дань любви, преклонения, но и врачебное описание наступающей смерти.

Владимир Иванович Даль прожил долгую жизнь, он один выполнил то, что не под силу целому институту, даже не по количеству ученых, а по разнообразию занятий. Один из далеведов Владимир Крупин писал: «Всегда нам укор будет то, что одиночка Даль свершил труд, равный труду многих десятилетий иного гуманитарного института с его могучим коллективом и современными средствами науки и техники».

Самым великим достижением Даля, несомненно, является созданный им словарь: «Я любил отчизну свою и принес ей должную крупицу по силам». Нет сомнений, «крупница» оказалась великоватой. Кроме того, он изучал флору и фауну, написав книги по этим темам. Даль был одним из основателей Русского географического общества.

При этом он постоянно занимался врачеванием, участвовал в научных экспериментах, проводил опыты на себе. Его повести, рассказы, сказки входят в золотой фонд русской литературы.

Он активно помогал, кому мог, не заботясь о саморекламе. Владимир Иванович облегчил судьбу ссыльного Тараса Григорьевича Шевченко, содействовал его освобождению. К сожалению, в дальнейшем в их отношениях наступило охлаждение.

В.И. Даль награжден многими орденами, премиями, избран членом Академии наук по отделению естественных наук.

В последние годы жизни он много болел, вышел в отставку, поселился в прекрасном шестиколонном доме в Москве на Большой Грузинской улице. У него, как обычно, собирались люди разных интересов и профессий, и только один разносторонний хозяин являлся коллегой всех.

Друзья думали, что, закончив работу над словарем, Даль сможет больше внимания уделять заметно пошатнувшемуся здоровью. Но доктор Владимир Иванович Даль хорошо знал негативное влияние смены стереотипов. Так и случилось. Вскоре после окончания работы над словарем у него случился повторный инсульт, кровоизлияние в мозг, с чем он не справился и, не приходя в сознание, умер 22 сентября 1872 года. Похоронен он в соответствии с не раз высказанным пожеланием на Ваганьковском кладбище в Москве.

В.И. Даль в кругу семьи

Москва. Конец 1860-х

Слева направо сидят:

В.И. Даль, его вторая жена Екатерина Львовна (урожд. Соколова), его дочь от первого брака Юлия. Стоят: дети от второго брака — старшая дочь Мария, младшая Екатерина и средняя Ольга

Музей Владимира Ивановича Даля в Москве

Открыт в 1986 г. С 1859 г. дом, в котором музей занимает две комнаты, принадлежал В.И. Далю. Здесь он жил и работал до своей смерти в 1872 г.

Именно в этом доме В.И. Даль завершил труд всей жизни: закончил подготовку к изданию «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863–1866)

Прошло больше 200 лет со дня рождения Владимира Ивановича Даля.

По-прежнему читают сказки, написанные Далем, изучают по его книгам пословицы и поговорки, черпают знания о языке, пользуясь необыкновенным словарем.

Нельзя забывать и о пионерских работах Даля-врача, в частности о сортировке раненых на поле боя, о лечении огнестрельных ранений, о реформировании больниц и госпиталей, о важной составляющей лечения — внимании к больному человеку.

Памятник Казаку Луганскому

Работа скульпторов Николая Можая и Виктора Горбулина. 2010

В родном городе Владимира Ивановича, в Луганске, создан мемориальный музей, возрождены Далиевские четверги, проходят конференции. Интерес к этому великому ученому, врачу, естествоиспытателю, филологу, писателю не угасает.

Золотая медаль имени В.И. Даля с 1994 года присуждается Российской академией наук за выдающиеся работы в области русского языка, лексикографии, литературы и фольклора.

Литература

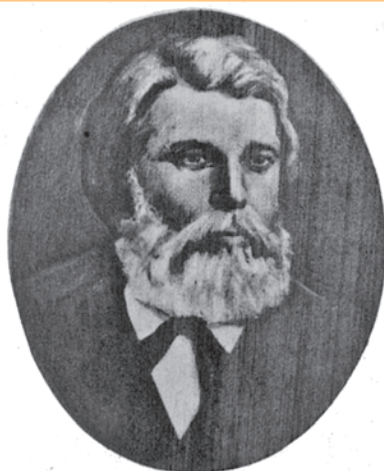
1. Бессараб М. Владимир Даль. — М., 1968.
2. Даль В. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1956.
3. Даль Владимир. Пословицы русского народа. — М., 1957.
4. Даль В.И. Воспоминания о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. — М., 1974.
5. Заблудовский П. История отечественной медицины. — М., 1960.
6. Козырь В. Владимир Иванович Даль // Вестник. — 13 апреля 1999. — № 8(215).
7. Лихтенштейн И. Знакомый и незнакомый Владимир Даль // Этюды о литературе. Глазами врача. — Хайфа, 2009.
8. Порудоминский В. Даль. — М., 1971.

Чехов: пациент, врач, писатель

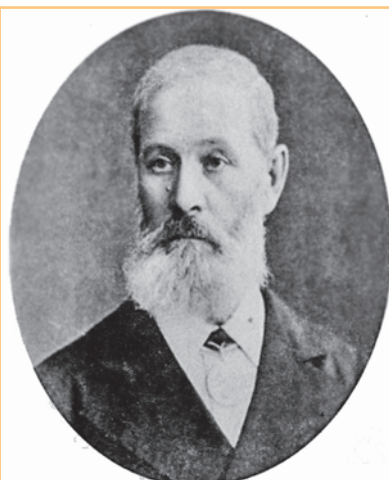
А.П. Чехов
И.О. Браз. 1898

Егор Михайлович Чехов
Дедушка писателя
Фото 60-х гг. XIX века

Евгения Яковлевна Чехова
Мать писателя

Павел Егорович Чехов
Отец писателя

Сто лет с небольшим прошло со дня смерти Чехова, но с каждым годом он становится ближе, привлекая разными гранями таланта — врача, писателя, человека. Многогранность личности Антона Павловича, обусловленная его редкой, разносторонней одаренностью, успехами в разных областях знаний, особым видением жизни, людей, событий, не перестает привлекать внимание специалистов разного профиля. Чехова не уместить в прокрустово ложе одной профессии, даже писательства, в котором он достиг вершин мастерства. Врач по образованию и мироощущению, он интересен и этой ипостасью таланта и особенностью личности.

Антон Павлович близок нам не как давно живший, почти потусторонний гений, а как близкий и родной человек, только что прошедший по улице где-то здесь, рядом. Только недавно нашими современниками были знавшие писателя В.В. Вересаев, К.И. Чуковский, не говоря о жене О.Л. Книппер-Чеховой, сестре М.П. Чеховой (письма которых сохраняются в домашнем архиве), а профессор Г.И. Россолимо, сокурник Антона Павловича, стал... консультантом Кремлевской больницы. Как говорят, связь через одно рукопожатие.

Между тем он, внук крепостного, родился за год до отмены крепостного права. Отец и дед, крепостные села Ольховатка Воронежской губернии принадлежали помещику Черткову, отцу В.Г. Черткова, ближайшего друга и последователя Л.Н. Толстого, а впоследствии и партнера Антона Павловича по издательским делам. И если бы не Егор Михайлович Чехов (дед), сумевший скопить 3,5 тысячи рублей и выкупить семью, родиться бы и Антону Павловичу крепостным.

Все знавшие Чехова подчеркивают его особую тактичность, терпимость к любому собеседнику, интеллигентность. Это особенно важно, потому что Антон Павлович отличался вспыльчивостью и нетерпеливостью. Как он писал, «я по капле выдавливал из себя раба». Мне представляется, что дух крепостного семейного прошлого витал в рассказах и воспоминаниях семьи. Антон Павлович утверждал, что способности в семье от отца, а сердце — от матери. Его жизнь, творчество, врачебная работа, общественная деятельность многократно исследовались и описывались в литературе. Но поиск нового, неизвестного продолжается, что обусловлено масштабом этой незаурядной личности.

Трагедией жизни писателя явилась тяжелая болезнь (туберкулез), вокруг чего продолжают споры, связанные как с качеством лечения, так и с отношением к ней самого больного, близких, врачей, жены.

Первые признаки заболевания проявились, предполагая, еще в гимназии, что выразилось в перенесенном перитоните (воспалении брюшины). В 1874 году Антон Павлович го-

Первое семейное фото семьи Чеховых
1874. Таганрог
Во втором ряду второй слева — Антон Павлович

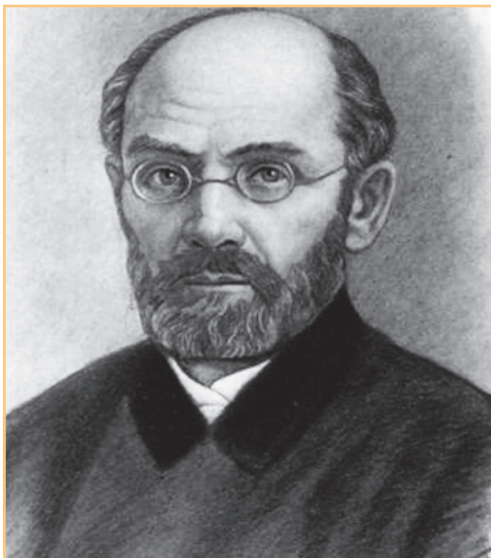
стил в семье гимназического товарища Селиванова. После купания в холодной воде тяжело заболел, и испуганный приятель отвез его к трактирщику Моисею Моисеевичу, который всю ночь ставил горчичники и компрессы, а жена трактирщика выхаживала больного несколько дней, чтобы он мог добраться домой. В Таганроге Чехова лечил школьный врач Шремппф, выпускник Дерптского (Тартуского) университета.

Чем точно болел в то время Антон Павлович, трудно определить: в диагноз «перитонит» входила группа воспалительных заболеваний разной этиологии. Несомненно, однако, что заболевание не прошло бесследно, оставив тревожный след в душе юноши, и, как считает Рейфилд (2005), общение с умным, добрым доктором повлияло на выбор специальности молодым гимназистом. Важно подчеркнуть, что с этого времени у Антона Павловича участились простудные заболевания.

Потому ли, или по другому стечению обстоятельств, но выбор профессии молодым Чеховым определился, возможно, не только по призванию, но и в силу необходимости заработка. К этому времени практически вся семья материально в определенной мере зависела от Антона Павловича. Впрочем, правильность выбора профессии им никогда не ставилась под сомнение.

В 1879 году Чехов поступил на медицинский факультет Московского университета. Учился охотно, особенно интересовался лабораторными исследованиями, экспериментами. «Медицина моя идет *crescendo*», — писал студент-медик Антон Павлович брату 3–6 февраля 1883 года. — Умею врачевать и не верю себе, что умею». В этой фразе звучит несомненная радость и гордость обретаемой профессией.

В целом студенческие годы, проведенные в Москве, молодой Чехов вспоминал с удовольствием: частые веселые встречи с друзьями в гостеприимной родной семье, пирушки с шампанским, катания на лошадях, посещения театральных спектаклей и литературных салонов, в которых

Г.А. Захарьин

Выдающийся русский врач-терапевт,
профессор факультетской клиники
Московского университета

Петр Алексеевич Сергеев

Журналист, писатель

Земляк и приятель А.П. Чехова, посредник при
продаже А.П. Чеховым своих произведений изда-
телю А.Ф. Марксу, автор ряда статей, пьес, рома-
нов, а также воспоминаний об А.П. Чехове

ему — красивому, остроумному, талантливому — всегда были рады.

Чехов усердно слушал лекции выдающихся клини-
цистов. Г.А. Захарьина он считал в медицине сопостави-
мым по уровню с Львом Толстым в литературе, а люби-
мого им С.П. Боткина¹ — с Тургеневым.

Еще в студенческие годы Чехов был очень загружен не
только учебной, но и начавшимся литературным трудом. По-
началу он был репортером, автором фельетонов, много пи-
сал.

В эти годы Антон Павлович увлекся подругой сестры
Маши Евдокией Эфрос и сделал ей предложение. Брак
не состоялся, но дружеские отношения с ней и впослед-
ствии с ее мужем не прерывались до самой смерти писа-
теля. Небезынтересно, что с тех пор до встречи с Книпп-
ер Чехов никому предложения не делал.

Многие исследователи жизни и творчества писателя
отмечают тревожное отношение Чехова к женитьбе. Он
влюблялся, общался с женщинами, но активно избегал
решительного шага.

Он много работал, но не только поэтому в его пись-
мах начинают проскальзывать жалобы на слабость,
утомляемость. Уже 10 декабря 1884 года в письме
Н.А. Лейкину сообщает: «...у меня ни к селу, ни к горо-
ду идет кровь горлом. Три дня я не видал белого плевка,
а когда помогут мне медикаменты, которыми пичкают
меня коллеги, сказать не могу. Общее состояние удов-
летворительное. Причина сидит, вероятно, в лопнувшем
сосудике». 17 декабря того же года в письме П.А. Серге-
енко сообщает о кровохарканье, подчеркивая: «не чахо-
точное». Речь идет о сильном кровотечении, начавшемся
в здании окружного суда и продолжавшемся 3–4 дня,
что «произвело немалый переполох в моей душе. Оно
было обильно. Кровь текла из правого легкого. В крови,
текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве».

С тех пор, по словам Антона Павловича, он «каш-
ляет каждую зиму, осень и весну и в каждый сырой лет-
ний день, но тревожится только при появлении крови».
Продолжая рассказ о первом серьезном кровохарка-
нье (декабрь 1884), уже 2 января 1885 года в письме
Е.И. Савельевой отмечает, что прошедшее нездоровье

напугало, «но в то же время (бывают же такие фокусы) доставило мне немало хороших, поч-
ти счастливых минут». Он упоминает о дружеском участии многих друзей и знакомых. Эта
особенность Чехова — не углублять негативное впечатление от грустных сообщений, пере-

¹ Боткин С.П. (1832–1889) — выдающийся русский врач-терапевт и общественный деятель, профес-
сор Медико-хирургической академии.

А.П. Чехов (1885–1886)

И.И. Левитан

Государственная Третьяковская галерея, Москва

межая их чем-то приятным, сохраняется на протяжении всей жизни писателя, составляя его человеческую сущность.

Окончив в 1884 году медицинский факультет университета, Чехов, увлеченный врачебным делом, продолжает посещать интересующие его лекции. И вновь сетования на слабость и утомление: «Вот уже целая неделя, как я чувствую во всем теле ломоту и слабость, сейчас ходил слушать лекцию Г.А. Захарьина (о сифилисе сердца), простоял не более 1,5 часа, а утомился, точно сходил в Киев пешком» (1887). На протяжении первых лет болезни Чехов продолжает в общении с друзьями упорно отрицать наличие у себя туберкулеза, приписывая недомогание простудным заболеваниям. Наряду с этим, будучи мыслящим врачом («я не такой плохой врач, как вы думаете»), прошедшим серьезный курс на медицинском факультете, изучив, наконец, среди прочего и туберкулез, не мог отрицать грустные факты (Хижняков, 1947; Меве, 1989). Так, в письме к старшему брату Александру Павловичу по-врачебному коротко и четко характеризует состояние болеющего Николая Павловича: «У него хронический легочный процесс — болезнь, не поддающаяся излечению. Бывают при этой болезни временные улучшения *in situ*, и вопрос должен ставиться так: как долго будет продолжаться процесс? Но не так: когда выздоровеет?» (1899).

Как вдумчивый врач, он хорошо знал отрицательное влияние на здоровье излишней мнительности и придавал большое значение роли нервной системы в развитии заболевания, что подтверждал в позднейших воспоминаниях о нем, в частности, и коллега по работе в земстве доктор-психиатр П.А. Архангельский.

Следовательно, несерьезно было бы полагать, что Антон Павлович заблуждался по поводу своего заболевания. Другое дело, что такое поведение является типично врачебным (Шубин, 1977; Мирский, 2003). Запущенные случаи различных заболеваний встречаются именно у врачей, которые не хотят знать очевидную правду, просто закрывают на нее глаза. «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад» — цитата из стихотворения Пушкина как нельзя лучше отражает суть дела.

Врачу и просто внимательному собеседнику известны люди, стремящиеся сделать свои недомогания предметом широко известным и обсуждаемым. Но есть и другие, старающиеся избегать пространных обсуждений своих болезней, демонстрируя несуществующее здоровье.

Человек в достаточной степени закрытый, тактичный, Антон Павлович не злоупотреблял сообщениями о своем недуге.

Время шло. Несмотря на плохое самочувствие, периодически возникавшее кровохарканье, Чехов предпринимает крайне тяжелое путешествие на остров Сахалин. Трудно сказать, что послужило причиной поездки: пережитый душевный кризис, охота к перемене мест, общественная позиция? Сам Антон Павлович писал, что едет для того, «чтобы пожить полгода не так, как я жил до сих пор» (1890).

Изнурительная поездка, скверные дороги, непривычная еда, гримасы климата — все это негативно сказалось на здоровье писателя. То и дело в письмах упоминается о кровохарканье, кашле, слабости.

Между тем посещение каторжного острова произвело на Чехова неизгладимое впечатление как на врача и как на писателя. Он один, без помощников, выполнил огромную статистическую и исследовательскую работу, провел перепись населения, оказывал врачебную помощь, увидел и узнал то, что практически было скрыто от российской публики за семью печатями. Результатом поездки явилась книга «Остров Сахалин».

Прожив несколько месяцев в Москве после возвращения с Сахалина, неожиданно для родных и близких Антон Павлович вновь уезжает, на сей раз в Европу. Он переезжает с места на место, намеревается съездить в Африку, а в письмах продолжают периодически звучать жалобы на простуду, кашель, слабость, что стало, к сожалению, привычным.

В 1891 году в письме А.С. Суворину появляется необычная фраза: «Я продолжаю <...> кашлять и уже начинаю подумывать, что мое здоровье не вернется к прежнему своему состоянию. Лечение и заботы о своем физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению. Лечиться я не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя не позволю».

Бесспорно, Антон Павлович боялся услышать то, что ему уже давно, как врачу, было ясно, отсюда нежелание врачебного обследования.

В письме А.И. Смагину 16 декабря 1891 года изложено понимание происходящего с ним: «Если я в этом году не переберусь в провинцию <...>, то я по отношению к своему здоровью разыграю большого злодея. Мне кажется, что я разохся, как старый шкаф. <...> Уехать из Москвы мне НЕОБХОДИМО».

В этот период он подыскивает жилье вне столицы, что обусловлено в первую очередь болезнью, а не материальными причинами, что тоже имело место. Вместе с тем продолжается многолетняя игра в прятки, сообщения о простудах, незначительных недомоганиях и проч. В одном из писем А.С. Суворину (1892) Чехов, сообщая об уменьшении кашля после очередного обострения, пишет: «...ложусь спать без мрачных мыслей». А в октябре 1893 года пишет брату Михаилу: «...маленько покашливаю, но до чахотки еще далеко». Это также недвусмысленно подтверждает, что писатель не заблуждался относительно своего состояния.

21 марта 1897 года Чехов вместе с А.С. Сувориным обедал в московском ресторане «Эрмитаж». Вдруг у него хлынула горлом кровь, и, несмотря на все усилия вызванного доктора, ее удалось остановить лишь под утро. Доктор утешал, что кровотечение не легочное. После его ухода Чехов ска-

Семейная фотография. Перед отъездом на Сахалин
1890

А.П. Чехов с чиновниками на Сахалине
Фотография. 1890

Алексей Сергеевич Суворин
И.Н. Крамской. 1881
Русский музей

П.М. Свободин, В.Н. Давыдов, А.П. Чехов,
А.С. Суворин
Фотография. 1889

зал Суворину: «Для успокоения больных мы всегда говорим во время кашля, что он желудочный. Но желудочного кашля не бывает, а кровотечение непременно из легких. У меня кровь идет из правого легкого, как у брата».

Через день кровотечение повторилось, и Чехов послал записку приятелю, доктору Оболенскому: «Идет кровь. Больш. моск. гост. № 5. Чехов». Оболенский настаивал на госпитализации. Но только после продолжительного кровотечения Антон Павлович согласился обратиться к специалистам и впервые прошел серьезное обследование в известной московской клинике своего учителя профессора Алексея Александровича Остроумова¹. Там он провел 15 дней, из которых 10 сопровождалось кровохарканьем.

Есть история болезни Чехова, которую заполнил в клинике лечащий врач писателя Максим Маслов. Приводим выдержки из нее: «...у пациента истощенный вид, тонкие кости, длинная, узкая и плоская грудь (окружность равна 90 сант.), вес немного более трех с половиной пудов при росте 186 см... Испытывает огромную склонность к зябкости, потливости и плохому сну. Количество красных кровяных телец уменьшено вдвое по сравнению со здоровым человеком... Влажные и булькающие хрипы прослушиваются с обеих сторон — как над ключицами, так и под по-

¹Остроумов А.А. (1845–1908) — профессор госпитальной клиники Московского университета.

следними, а также слышны остро и громко над углом левой лопатки, над правой — глухота... Из-за болей в груди назначены влажные компрессы, натирания, смазывания йодной тинктурой, внутрь — кодеин, морфий. При сильных потах — атропин. Лед на грудь прописан три раза в сутки по одному часу каждый раз, но А. Ансеров (ассистент клиники. — И.Л.) назначил дополнительно лед ночью, что воспринято больным хорошо и одобрительно. Замечено, что кровотечение из легкого прекратилось через полчаса после проглатывания пяти — восьми кусочков льда... На десятый день розовая мокрота еще продолжается... Ну вот, мокрота чиста, и больной настаивает на выписке домой для срочной работы на литературном поприще, но бактерии доктора Коха еще присутствуют в мокроте в изрядном количестве... В весе больной не увеличился ни на полфунта, но на 5 % увеличилось количество гемоглобина и на 30 000 число красных кровяных телец. Вообще, больной окреп заметно. Диагноз подтвердился».

Приведенные описания осмотра пациента при всей их архаичности с несомненной достоверностью указывают на серьезное поражение обоих легких, а бактерии Коха — на открытую форму туберкулеза.

Во время пребывания в клинике Антон Павлович интересовался результатами анализов, беседовал с врачами. Несмотря на строгий режим, доктора разрешили навещать Антона Павловича, чтобы не углубить его нравственные страдания.

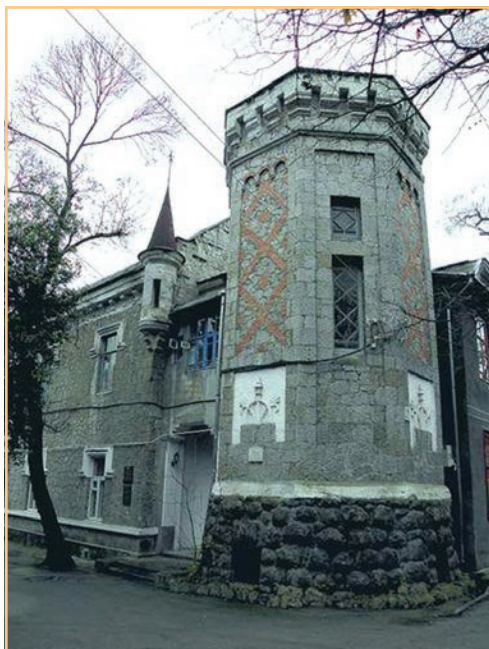
В больнице Чехова навесит Л.Н. Толстой, чем доставил больному радость общения, хотя, по его словам, это была не беседа, а монолог. Был у Чехова и Суворин, неожиданно сказавший о начавшемся ледоходе. Антон Павлович изменился в лице, объяснив страх больных чахоткой перед ледоходом как предвестником их скорой смерти. Еще за четыре года до описываемых событий в письме тому же Суворину Чехов написал: «Да, я умен, по

А.П. Чехов
Фотография. 1893

А.П. Чехов и Л.Н. Толстой в Гаспре
Фотография. 1901
На фото изображены также: С.А. Толстая, М.Л. Оболенская, А.Л. Толстая, П.А. Буланже

Готика генеральши Иловайской

крайней мере настолько, чтобы не скрывать от себя своей болезнью и не лгать себе... Я не брошусь, как Гаршин, в пролет лестницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее» (1893).

С 90-х годов по совету врачей Чехов на зиму уезжал на юг — чаще всего в Ялту или за границу.

В жизни писателя многое изменилось. Пришлось постепенно, но неуклонно менять стереотипы, отказываться от привычного образа жизни, оставлять родных и друзей, полюбившуюся Москву с ее театрами и музеями. Резко затруднилось общение с редакциями, необходимое для публикаций, и многое другое. Но, как врач, он понимал необходимость перемен.

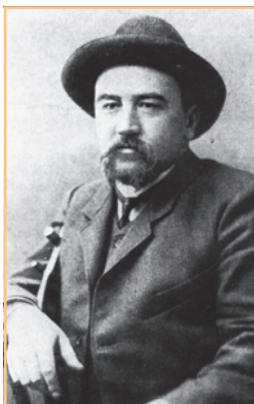
Пришлось продать Мелихово, где прошли годы успешной врачебной и литературной деятельности Чехова, где жила вся дружная семья писателя, где не раз бывали столь близкие ему Исаак Левитан, Лика Мизинова, Татьяна Щепкина-Куперник... трудно и незачем перечислять многочисленных и всегда желанных гостей Мелихова.

Некоторое время Чехов, приезжая в Ялту, жил на разных съемных квартирах или в гостиничных номерах. Известно, что несколько месяцев он снимал квартиру у генеральши, как ее называли, Иловайской. Она активно занималась гомеопатией и сокрушалась нежеланием Чехова следовать ее советам. Между тем по гомеопатическим понятиям туберкулиновые миазмы (по Ганеманну) вызывают у наделенных ими людей, чаще больных туберкулезом легких, душевное беспокойство и постоянную потребность в разъездах. О влиянии туберкулезной интоксикации на психику больного пишут и психиатры. Так или иначе, Антон Павлович действительно был непоседой. И с этой точки зрения ялтинские зимы угнетали писателя.

Зимой в Ялте жизнь замедлялась, хотя в конце 90-х годов и позднее нередко там бывали А.И. Куприн, И.А. Бунин, А.М. Горький, литератор и врач Сергей Елпатьевский, лечивший не только Чехова, позднее... Ленина. На Гаспре (Крым) несколько месяцев в связи с воспалением легких жил и лечился Лев Толстой. Общение с этими людьми скрашивало одиночество Антона Павловича, но не могло заменить ему полнокровную московскую жизнь. В его письмах наряду с

И.А. Бунин

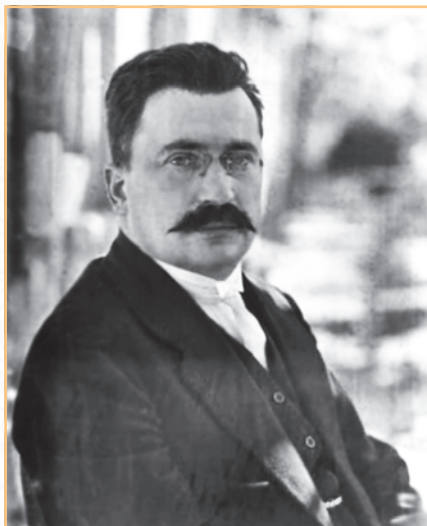
А.И. Куприн

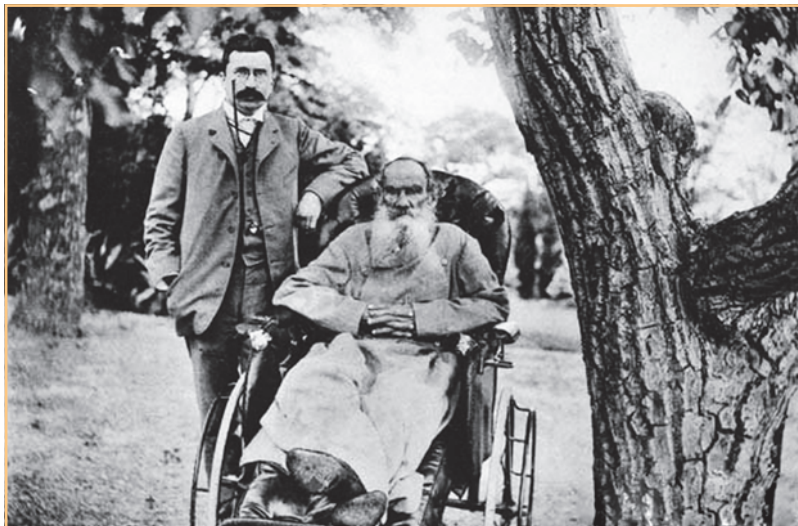
С.Я. Елпатьевский

С.М. Горьким в Ялте. 1900

Исаак Наумович Альтшуллер
Фотография. 1926

Л.Н. Толстой и И.Н. Альтшуллер
Фотография. 1902

сообщениями о «простудах», «плевритах» звучат облеченные в шутливую оболочку жалобы на тоску и одиночество.

10.02.1900 писал О.Л. Книппер: «Я оторван от почвы, не живу полной жизнью, не пью, хотя люблю выпить, я люблю шум и не слышу его, одним словом, я переживаю теперь состояние пересаженного дерева, которое находится в колебании: приняться ему или начать сохнуть?»

Зиму 1898 года Чехов провел в Ялте. В это время приятель Антона Павловича доктор Орлов познакомил писателя с доктором Исааком Наумовичем Альтшуллером. Он также болел туберкулезом легких, хоть и пережил Чехова на 44 года. Не имея собственного жилья, Чехов и Альтшуллер какое-то время жили вместе, до приезда семьи Исаака Наумовича. Они много бродили, разговаривали на разные темы, встречались с ялтинцами.

Дружба этих коллег «по болезни и профессии» отличалась теплотой, искренними, добрыми, уважительными отношениями и продолжалась до последнего дня жизни Антона Павловича. Письма Чехова Альтшуллеру приходили даже из ставшего печально известным Баденвейлера. Исаак Наумович написал прекрасные воспоминания о Чехове — человеке, пациенте, творце. Под влиянием Антона Павловича он также принял решение о переезде в Ялту. Альтшуллер со временем открыл в Ялте широкодоступный санаторий для туберкулезных больных, в чем ему весьма активно помогал Чехов, причем не только советами, но и деньгами.

Когда-то давно я слышала от своей тети Эсфири Петровны Слободянской восторженные рассказы об Исааке Наумовиче, в санатории которого она лечилась в 1917–1919 годах. Когда в отрезанный фронтами Крым невозможно было передавать деньги на лечение, он продолжал лечить (и вылечил) ее бесплатно. А собравшись в эмиграцию, убегая от большевиков, среди других знакомых предлагал и ей присоединиться к ним и уехать из объята войной страны. Мне кажется, что теперь я целенаправленное задавала бы тете вопросы, а при ее замечательной памяти, несомненно, получила бы интересные ответы...

Описывая Антона Павловича, Альтшуллер подчеркивает, что в ту пору, несмотря на частый кашель и заметную врачу одышку, особенно при подъемах, он все же выглядел не старше своих 38 лет. Впрочем, был худым, не поправлялся, что при очень высоком росте (186 см) бросалось в глаза.

В эти годы Чехов еще активно избегал разговоров о своей болезни, на предложение И.Н. Альтшуллера и доктора С.Я. Елпатьевского «Давайте послушаемся» отвечал: «Лучше пройдемся».

А.П. Чехов в Ялте

Дом А.П. Чехова в Ялте

А.П. Чехов в ялтинском кабинете
Фотография Л.В. Средина. 1–2 января 1900 г.

Уже тогда он выработал степенную походку, что позволяло на первом этапе скрывать одышку. Он медленно говорил, пытаясь сдерживать кашель, а когда это не удавалось, сплевывал мокроту в бумажный конвертик, складывал и немедленно выбрасывал.

В конце ноября 1898 года Антон Павлович впервые обратился к Альтшуллеру в качестве больного. Вот как Альтшуллер рассказывает об этом: «Рано утром мне принесли от него (Чехова. — И.Л.) записку, в которой он просил зайти, захватив с собой «стетоскопчик и ларингоскопчик», так как у него кровохарканье — и я действительно застал его с порядочным кровотечением. Ларингоскоп тут был ни при чем, потому что не могло быть никакого сомнения, что это настоящее легочное кровотечение. Я при первом исследовании уже нашел распространенное поражение в обоих легких, особенно в правом, с несколькими кавернами, следы плевритов, значительно ослабленную, перерожденную сердечную мышцу и отворотивший кишечник, мешавший поддерживать должное питание. Мои тогдашние попытки убедить Чехова в необходимости серьезно лечиться не привели ни к чему. Он упорно заявлял, что лечиться, заботиться о здоровье — внушает ему отвращение. И ничто не должно было напоминать о болезни, и никто не должен был ее замечать». Но все же К.С. Бранцевичу 2 января 1899 года пишет: «...вероятно, все будущие зимы, если буду жив, придется проводить здесь». Обращают на себя внимание грустные слова «если буду жив».

Не могу не напомнить, что еще в 1897 году в разговоре с Сувориным врач Чехов высказал предположение о процессе в правом легком (см. выше).

Как ни стремился Антон Павлович скрывать от себя и родных правду о здоровье или, вернее, не касаться этой темы, то и дело в письмах, чаще менее близким корреспондентам, вновь и вновь напоминает о себе вполне оправданная тревога.

В 1900 году Чехов заключает с издателем Марксом долгосрочный договор о выпуске собрания сочинений, который многим казался финансово неудачным. В письме брату Михаилу от 25 января 1900 года следует объяснение поспешного договора: «...у меня был туберкулез, я должен был подумать о том, чтобы не свалить на наследников своих сочинений в виде беспорядочной обесцененной массы». Еще одно свидетельство трудных дум больного человека, да еще и врача.

Как справедливо в этой связи писал М. Горький, врачу болеть еще тяжелее, так как он знает больше. В подтверждение мысли Горького приведу отрывок из воспоминаний видного историка, юриста, социолога М.М. Ковалевского, встречавшегося с Чеховым в Ницце в январе 1901 года, когда писатель из-за очередного обострения болезни покинул Москву, с грустью простившись с женой. Ночь с 30 на 31 января они провели в поезде по дороге в Рим. Не спалось. «Мне трудно, — сказал он [Чехов], — задаться мыслью о какой-нибудь продолжительной работе. Как врач, я знаю, что жизнь моя будет коротка».

По утверждению д-ра Альтшуллера, время с осени 1898 до начала 1901 года было для Чехова, несмотря на нездоровье, очень насыщенным и наполненным радостными событиями, скрашивавшими жизнь в «теплой Сибири». В эти годы достигла расцвета его писательская слава, он стал членом Академии наук, состоялись успешные драматургические дебюты, забывалась неудача первой постановки «Чайки» в Александринском театре в Петербурге, началась дружба и сотрудничество с Московским Художественным театром и с несравненной актрисой О. Л. Книппер.

В апреле 1900 года Художественный театр привез в Ялту, специально чтобы показать больному Чехову, ряд спектаклей, в том числе и постановки его пьес. Гастроли начинались в Севастополе, и Ан-

Чехов читает «Чайку»
в Московском Художественном театре
Фотография. 1899

Московский Художественный театр в Ялте
Фотография. 1900

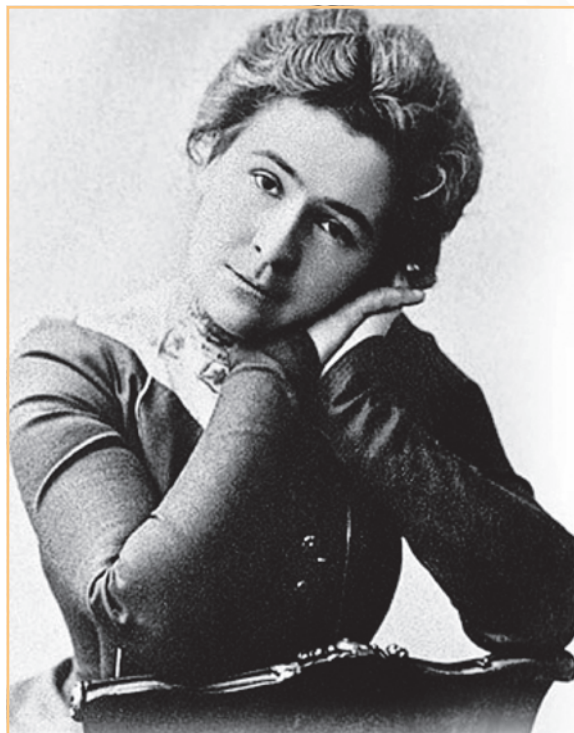
Спектакль «На дне» в МХТ.
1900-е годы.
В роли Насти — Ольга Книппер

тон Павлович, несмотря на плохое самочувствие, присутствовал на открытии сезона. К сожалению, из-за ухудшения состояния пришлось вернуться в Ялту. Легко можно себе представить тяжесть испытанной им травмы. Он был влюблен, решались судьбоносные творческие и личные проблемы... Через несколько дней труппа прибыла в Ялту. Актеры выступали на сцене уютного местного театра, на годы сохранившего ауру того прекрасного лета. И еще не совсем выздоровевший Антон Павлович с радостью окунулся в спектакли, дружеские встречи, веселые застолья. И только изредка ненадолго покидал гостей, уединяясь для отдыха в кабинете. На две недели дом в Аутке превратился в филиал Художественного театра, не будет преувеличением сказать, что и в центр культурной жизни России.

Прошумели дни радости и счастья — и вновь ялтинское «заточение». Антон Павлович все больше привязывался к Ольге Леонардовне, ему все труднее становилось жить вдали от нее.

М.П. Чехова
Фотография. 1890-е

О.Л. Книппер
Фотография. 1889

Начинается завершающий этап болезни, время страданий, упорного труда, расцвета таланта, когда замыслы множатся, а сил все меньше. Последние годы соединили, казалось бы, несоединимое — физическое угасание и творческий расцвет, любовь и разочарование, тоску и надежду.

Трезво оценивая здоровье и, возможно, предчувствуя неизбежный финал, Чехов 3 августа 1901 года составил завещательное письмо, адресованное сестре: «Милая Маша, завещаю тебе в твоё пожизненное владение дачу мою в Ялте, деньги и доход с драматических произведений, а жене моей Ольге Леонардовне — дачу в Гурзуфе и пять тысяч рублей. Недвижимое имущество, если пожелаешь, можешь продать. Выдай брату Александру три тысячи рублей, Ивану — пять тысяч и Михаилу — три тысячи... Я обещал крестьянам села Мелихово сто рублей — на уплату за шоссе... Помогай бедным... Береги мать. Живите мирно».

С 1901 года иной характер приняли отношения Антона Павловича с доктором Аль-

тшуллером, и порой уже Чехов говорил: «Давайте послушаемся», чего прежде старательно избегал.

Он постоянно был один на один с болезнью. В письме Суворину сообщал: «Я на днях едва не упал, и мне минуту казалось, что я умираю... Быстро иду к террасе, на которой сидят гости, стараюсь улыбаться, не подать вида, что жизнь моя обрывается». И даже в такой критический момент приписка, весьма характерная для Чехова: «Как-то неловко падать и умирать при чужих».

20 мая 1901 года сообщил Марии Павловне об осмотре доктора В.А. Щуровского, нашедшего значительные изменения в обоих легких, поражение кишечника и велевшего немедленно ехать на кумысолечение в Уфимскую губернию. В письме Марии Павловне он в шутиливой манере сообщает о скуке на кумысе и о желании для уменьшения скуки жениться, чему мешает отсутствие документов. Письмо выдержано в шутиливом тоне, но Мария Павловна поняла.

Чехов женился, будучи тяжело и неизлечимо больным, его нерешительность, возможно, объяснялась тревогой за судьбу будущей жены и близких. Он требовал строгой конфиденциальности бракосочетания. 25 мая 1901 года написал матери: «Милая мама, благословите, женюсь. Все останется по-старому. Уезжаю на кумыс».

Итак, свадебное путешествие Чехов и Книппер провели в «скучнейшем месте», что не оставляет сомнений в необходимости подчинения врачебным указаниям вразрез с обычным для Антона Павловича непослушанием. Лечение кумысом не принесло ожидаемого эффекта. Антон Павлович вернулся в Ялту.

Его быт в Ялте был далек от комфортного. Ничего не изменилось и после женитьбы на Ольге Леонардовне Книппер (двойная фамилия Книппер-Чехова появилась через много лет после смерти писателя во время заграничных послеволюционных гастролей части труппы Художественного театра для привлечения зрителей). В цитированном выше письме матери он писал: «Все останется по-старому». Чехов не случайно написал, что все останется по-старому. Он понимал невозможность для себя по медицинским показаниям жить в Москве, а для Книппер — по профессиональным — в Ялте.

Но женитьба внесла определенные сложности во взаимоотношения с сестрой, отменившей планировавшийся было переезд из Москвы в Ялту к больному брату. Эти осложнения приносят дополнительные страдания всем участникам, их отзвуки слышны в переписке того времени.

В последующие годы Чехов много болел, часто шла кровь горлом, плевриты следовали один за другим. То и дело в письмах упоминаются компрессы, мушки (сушеные шпанские мушки применялись в медицине в виде пластырей) и прочие ма-

А.П. Чехов, Е.Я. Чехова,
М.П. Чехова и О.Л. Книппер-Чехова в Ялте
Фотография. 1901

А.П. Чехов и О.Л. Книппер
Фотография. 1901

лоэфективные лечебные процедуры. Едва выздоровев, Антон Павлович устремлялся в Москву, к жене, по которой очень скучал и о которой трогательно заботился. Между тем личная жизнь писателя, к сожалению, была не без сложностей... Доктор Альтшуллер считал, что поездки в Москву неизменно нарушали хрупкое благополучие, и все приходилось начинать сначала. Каждое новое обострение все хуже поддавалось лечению. В легких нарастала эмфизема (расширение легких), усиливалась одышка, чаще наблюдались перебои сердца. В весе он не набирал, диету не соблюдал, притом что страдал хроническими кишечными расстройствами, туберкулезом кишечника. Приходится удивляться, как ему удавалось в таком состоянии творить, всем интересоваться, радоваться друзьям и оказывать им гостеприимство.

30 января 1903 года Антон Павлович констатирует: «Теперь с каждым годом устаю все больше и больше», а в марте того же года: «За зиму я отвык от людей, от жизни, уже ничего не умею, решительно ничего...» Лето 1903 года Чехов провел с женой

под Москвой. А в октябре в письме из Ялты той же Книппер жалуется на усилившуюся одышку: «Одеваюсь медленно, или потому, что отвык одеваться, или потому, что мешает одышка».

Летом 1904 года Антон Павлович приезжает в Москву простуженный, его мучает непрекращающийся кашель. Квартира снята Книппер на высоком третьем этаже. Он практически не может преодолеть подъем и спуск.

В Москве по настоянию Ольги Леонардовны Антона Павловича осмотрел семейный врач Книппер доктор Таубе. Тактика лечения доктора Таубе отличалась от терапии, назначенной Щуровским и Остроумовым. Так, он отменил водные согревающие компрессы, рекомендуя спиртовые, не разрешил есть яйца, указывая на их слабительный эффект. На короткое время у Антона Павловича успокоились кишечные явления, и забрезжила надежда. Однако действие и этого лечения оказалось кратковременным. Поносы сменились запорами, состояние оставалось тяжелым.

30 мая Чехов просит актера МХАТа А.Л. Вишневского: «Нельзя ли направить ко мне СЕЙЧАС Вильсона или какого-нибудь другого хорошего массажиста? Всю ночь не спал, мучился от ревматических болей. Никому не говорите о содержании этого письма, не говорите Таубе». Совершенно ясно, что кратковременная эйфория от лечебного искусства нового доктора проходила, но обижать его доктор Чехов не хотел, понимая, что чудес не бывает.

Здоровье Антона Павловича настолько ухудшилось, что доктор Таубе потребовал его срочного отъезда на заграничный курорт.

Лечиться поехали в Баденвейлер, горный курорт в Шварцвальде. Накануне Чехова посетил писатель Николай Телешов. «Хотя я был подготовлен к тому, что увижу, — писал он, — но то, что увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто малень-

кий, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до того был худ, изнурен и неузнаваем Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться. А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит: «Прощайте. Еду умирать... Поклонитесь от меня товарищам... Пожелайте им от меня счастья и успехов. Больше уже мы не встретимся».

Мрачный тон воспоминаний Телешова, несомненно отражавший истинное положение вещей, не слышен в письмах Чехова сестре и другим корреспондентам. Скорее всего, это обусловлено как сохранявшейся надеждой, так и нежеланием огорчать родных. 22 мая 1904 года, за десять дней до отъезда на лечение, Антон Павлович дает сестре указания по уходу за садом в Аутке, Альтшуллеру 26 мая того же года сообщает о намерении вернуться в Ялту в августе.

Антон Павлович избегал писать родным о болезни, однако сообщал о ней другим корреспондентам: «Кровь идет помалу, но подолгу, и последнее кровотечение... началось недели три назад. Домой я пишу, что я совершенно здоров, и иначе писать нет смысла».

3 июня 1904 года Чехов с женой выехали в Баденвейлер. В Берлин прибыли благополучно, остановились в гостинице «Саввой». В первом же письме из Берлина пишет, что чувствует себя великолепно, ест за десятерых, спит чудесно и вообще живет недурно. Но врач, который осмотрел его там, знаменитый профессор Эвальд, лишь пожал плечами. Это обескуражило Чехова. «Нельзя забыть мягкой, снисходительной, как бы сконфуженной и растерянной улыбки Антона Павловича, — писала по горячим следам Книппер-Чехова. — Это должно было произвести удручающее впечатление».

Улучшения чередовались с ухудшениями, надежды сменялись отчаянием. Земскому врачу П.И. Куркину 12 июня Чехов писал: «Ноги у меня уже совсем не болят, я хорошо сплю, великолепно ем, только одышка — от эмфиземы и сильнейшей худобы, приобретенной в Москве за май. Здоровье входит не золотниками, а пудами. Баденвейлер хорошее местечко, теплое, удобное для жизни, дешевое, но, вероятно, уже дня через три я начну помышлять о том, куда бы удрать от скуки». И в Баденвейлере проявилась характерная для Чехова охота к перемене мест — супруги сменили за месяц несколько отелей.

Профессору Г.И. Россолимо (1860–1928) 28 июня 1904 года Чехов признавался: «Одышка тяжелая, просто хоть караул кричи, даже минутами падаю духом». В этом же письме он все же интересуется расписанием пароходов на Одессу и качеством обслуживания, предполагая, возможно, таким путем вернуться в Ялту. А в Баденвейлере в это время наступила «жара жестокая». Чехов задыхался и мечтал уехать. Без «видимой причины» 29 июня у Чехова наступило ослабле-

А.П. Чехов и Г.И. Россолимо
Фотография. 1903

Германия. Шварцвальд. Курорт Баденвейлер

которого рассказал жене. Но в первом часу ночи 2 июля он «проснулся от очень затруднительного дыхания, стал бредить, говорил о каком-то матросе, спрашивал о японцах, но затем пришел в себя». В два часа ночи приехал доктор И. Шверер. Чехов сел и «как-то значительно, громко

Доктор И. Шверер со своей русской женой
Елизаветой Васильевной Живаго

Фотография. 1899. Москва

Врач Баденвейлера, который был с Чеховым, когда он умер

ние деятельности сердца, но после выпрыскивания морфия и вдыхания кислорода пульс стал хорош, и больной спокойно заснул.

Резкое ухудшение наступило в ночь с 30 июня на 1 июля 1904 года. По свидетельству Ольги Леонардовны, в начале ночи Чехов проснулся и «первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты — два брата, и вот одного я попросила сбегать за доктором, сама пошла колоть лед, чтобы положить на сердце умирающего... А он с грустной улыбкой сказал: «На пустое сердце льда не кладут». Четверг 1 июля прошел относительно спокойно. Чехов даже придумал юмористический рассказ, сюжет

которого рассказал жене. Но в первом часу ночи 2 июля он «проснулся от очень затруднительного дыхания, стал бредить, говорил о каком-то матросе, спрашивал о японцах, но затем пришел в себя». В два часа ночи приехал доктор И. Шверер. Чехов сел и «как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Я умираю». Шверер сделал несколько выпрыскиваний камфары, давал вдыхать кислород. Когда доктор послал за новым баллоном кислорода, Чехов остановил его: «Не надо уже больше. Прежде чем его принесут, я буду мертв». Шверер велел дать шампанского. По традиции немецкие врачи, видя агональное состояние, дают больному бокал шампанского, возможно, желая облегчить переход... в небытие. Чехов взял бокал, повернулся лицом к жене, улыбнулся и сказал: «Давно я не пил шампанского». Он «покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда». Было три часа ночи.

Как утверждает Рейфилд (2005), Ольга Леонардовна склонялась к мысли похоронить Чехова в Баденвейлере, и только огромная боль многочисленных поклонников писателя, общественный резонанс изменили первоначальное решение. Впрочем, нет других сведений, указывающих на такую возможность.

Творчество Чехова любимо в Европе и Америке, его пьесы триумфально шествуют по миру. Он один из самых читаемых русских писателей.

Прошло 100 лет со дня смерти доктора Чехова. Фантастические успехи достигнуты в лечении туберкулеза, применение антибиотиков изменило все еще жестокий характер болезни. Можно ли было что-либо сделать в начале XX века? Чем лечили туберкулез?

Да, тогда еще не было антибиотиков. Но уже в 1882 году итальянский врач Форланини впервые применил пневмоторакс для лечения туберкулезных больных (вдувание воздуха в легкие специальной иглой для спадания каверны). В России этот метод успешно использовал профессор Московского университета Леонид Ефимович Голубинин (1858–1912). Начиная с 1891 года искусственный пневмоторакс применялся и в клинике профессора А. Остроумова, где лечился писатель. Профессор Александр Остроумов в 1901 году выступил на Всероссийском съезде терапевтов с докладом, в котором привел такие данные: «В нашей клинике за последние пять лет проведено 146 операций по наложению пневмоторакса. После каждой такой операции у больных, которые считались обреченными, прекращалась температура, исчезали кашель и липкий пот по ночам, восстанавливался аппетит, и за считанные 15–20 дней больной выписывался выздоравливающим».

Почему же для лечения Чехова не был применен искусственный пневмоторакс? Неизвестно, предлагали ли этот метод терапии Антону Павловичу. Этот вопрос по сей день справедливо задают многие исследователи. Однако не следует заблуждаться и считать наложение искусственного пневмоторакса панацеей. Не исключено, что у Чехова были противопоказания к этому виду лечения. Известно, что у него в последние годы наблюдались рецидивирующие экссудативные (с выпотом) плевриты, возможно, развился спаечный процесс, осложнявший в то время наложение пневмоторакса.

Основными в ту пору по-прежнему оставались климатическое лечение, питание, местные процедуры. Цитируя кого-то из философов, доктор Альтшуллер писал, что туберкулезный больной «должен забыть о лаврах», однако, с нашей точки зрения, жизнь без эмоций вряд ли хороша для любого, а тем более для творческого человека.

Многие видели причину резкого ухудшения здоровья писателя в непрестанных поездках в Москву, в тоске по жене и прочих сложностях их жизни... Естественно, все это имело место. Но виной всему — тяжелая и в ту пору трудноизлечимая болезнь, с которой писатель мужественно сражался двадцать лет.

Антону Павловичу Чехову было 44 года.

На смертном одре в Баденвейлере
15 июля 1904 года

Похороны Чехова
1904. Москва